

ФЕРМА ДУШ

LERIANA AKSI

18+

Leriana Aksi

Ферма Душ

«Автор»

2026

Aksi L.

Ферма Душ / L. Aksi — «Автор», 2026

В современной Вельмории люди исчезают бесследно, а найденные тела не хранят ни одного доказательства существования убийцы. Журналистка Клер Даллен получает от таинственного «Свидетеля» список пропавших и фотографии неизвестного места заключения. Среди жертв она узнаёт Натана Роука — своего информатора и наставника. Единственной зацепкой становится его фамильный перстень, выставленный на закрытом аукционе. Там Клер встречает Леона Меррика — владельца готического Корвен-холла, обладающего безупречными манерами и опасным чувством юмора. Он знает, где находится Натан, и предлагает помощь, цена которой возрастает с каждым прикосновением. Расследование приводит Клер в Кхаррат — искажённое отражение человеческого мира, где древние хищники выращивают эмоции, а души становятся пищей. Чтобы спасти пленников, ей придётся приблизиться к чудовищу и понять, какие чувства были навязаны, какие она изображает — и какие уже принадлежат ей самой.

© Aksi L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последний маршрут	7
Часть I. Нить	12
Глава 1. Свидетель	13
Глава 2. Перстень Роука	20
Глава 3. Госпожа Даллен	32
Глава 4. Бал Старых Домов	44
Глава 5. Машина фонда	57
Глава 6. Дорога под городом	69
Часть II. Порог	76
Глава 7. Отражение	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Leriana Aksi

Ферма Душ

Leriana Aksi

ФЕРМА ДУШ

Готический хоррор-роман

Электронное издание

© Leriana Aksi, 2026

Все права защищены.

Греймонт ещё притворяется целым. Фонд «Маяк» возит людей туда, откуда возвращаются пустые лица. Клер Даллен ищет пропавшего брата и заключает сделку с человеком, который слишком вежливо отвечает на вопросы. За его лицом — ферма, где собирают не тела, а то, чему нет имени в протоколе.

Текст сверен со второй редакцией иллюстрированного издания.

Содержание

Пролог. Последний маршрут

Часть I. Нить

Глава 1. Свидетель

Глава 2. Перстень Роука

Глава 3. Госпожа Даллен

Глава 4. Бал Старых Домов

Глава 5. Машина фонда

Глава 6. Дорога под городом

Часть II. Порог

Глава 7. Отражение

Глава 8. Повреждённая запись

Глава 9. Место получше

Глава 10. Несколько секунд

Глава 11. Четыре Пасты

Глава 12. Официальная операция

Часть III. Кхар-Норр

Глава 13. Условие, которого нет

Глава 14. Архив голода

Глава 15. Эхо Аделин

Глава 16. Одно и то же лицо

Глава 17. Бал для одной

Глава 18. Немая скоба

Часть IV. Общая рана

Глава 19. Последняя запись

Глава 20. Вторая клятва

Глава 21. Институт без выхода

Глава 22. Центральный узел

Глава 23. Пациент без записи

Глава 24. Замыкание

Глава 25. Человеческая версия

Глава 26. Последнее приглашение

Глава 27. Сердце Кхаррата

Эпилог. Письма
После сна. Аврора

Пролог. Последний маршрут

Когда ворота Корвен-холла закрылись за его спиной, Натан Роук понял, что Леон Меррик не солгал ему ни разу.

Именно поэтому разговор казался опасным.

Меррик отвечал на каждый вопрос спокойно, смотрел прямо и ни разу не попросил выключить диктофон. Он признал, что автомобили фонда «Маяк» действительно въезжали на территорию поместья. Не стал отрицать номера, даты и даже время, отмеченное городскими камерами. Лишь заметил, что присутствие чужой машины ещё не доказывает участия владельца дома.

Формально он был прав.

Такие люди вообще любили быть правыми формально.

В конце разговора Натан всё-таки не выдержал и положил перед Мерриком распечатанный кадр с городской камеры.

— Четыре автомобиля одного фонда. Семь визитов. После трёх из них люди исчезают. Вы по-прежнему считаете это совпадением?

Леон даже не взглянул на фотографию.

— Нет.

Прямой ответ на мгновение выбил Натана из равновесия.

— Тогда зачем они приезжали?

— Это неверный вопрос.

— Подскажите правильный.

Меррик откинулся на спинку кресла. В мягком свете библиотеки его лицо казалось почти безобидным — лицо человека, которого легче представить владельцем старых книг, чем участником похищений.

— Почему вы нашли записи только тех машин, которые уехали обратно?

После этого Леон вежливо закончил встречу.

Натан остановился под каменным фонарём и обернулся. За чёрными прутьями ворот тянулась дорожка, обсаженная голыми деревьями. Корвен-холл возвышался в глубине парка — слишком тёмный для жилого дома и слишком ухоженный для старой развалины. В его окнах горел мягкий золотой свет. Издалека поместье казалось почти гостеприимным.

Почти.

На верхнем этаже шевельнулась занавеска.

Натан поднял телефон и сделал снимок. На экране окно оказалось пустым.

— Начинается, — пробормотал он.

Последние недели он слишком мало спал. Виктор называл это одержимостью, начальство — профессиональной деформацией, а жена Виктора однажды молча поставила перед ним тарелку горячей еды и спросила, когда он в последний раз ужинал не над фотографиями мёртвых тел.

Натан не вспомнил.

Он открыл заметки и ещё раз просмотрел номера автомобилей.

Четыре машины фонда появлялись у Корвен-холла за последние семь месяцев. Три из них позднее фиксировали рядом с местами исчезновения людей. Четвёртая принадлежала водителю, который официально уволился из «Маяка» два года назад и после увольнения не существовал нигде — не покупал билетов, не обращался к врачам, не платил налоги.

Девять пропавших. Пять найденных тел. Ни одной общей причины смерти, кроме того, что судмедэксперты осторожно называли последствиями длительного физического воздействия.

И одинакового выражения на лицах.

Не боли. Не страха.

Пустоты.

Будто перед смертью из людей вынули нечто, чему не нашлось названия в протоколе.

Натан открыл переписку с номером, записанным в контактах как «К. Даллен». Последнее сообщение Клер пришло ещё утром: Если опять поехали проверять всё один — хотя бы напишите адрес.

Натан невольно усмехнулся. Клер умела превращать беспокойство в обвинение так, будто это он вынуждал её волноваться исключительно из профессиональной небрежности.

Он набрал: Корвен-холл. Уже закончил. Ничего срочного.

Несколько секунд смотрел на экран, затем удалил весь текст и заблокировал телефон.

Расследование пока не было её делом. Натан уже однажды позволил молодой журналистке подойти слишком близко к людям, которые могли уничтожить карьеру одним телефонным звонком. Тогда она потеряла работу, но сохранила упрямство. Сейчас ставки были другими.

У обочины вспыхнули фары.

К воротам бесшумно подъехал тёмный автомобиль. На передней двери светилась маленькая эмблема маяка, заключённого в серебряный круг.

Натан машинально коснулся фамильного перстня. Старая привычка — проверять, что кольцо на месте, когда происходящее начинало складываться слишком удачно.

Заднее стекло опустилось.

— Господин Роук?

В салоне сидела Селеста Коррен.

Натан видел её десятки раз: на благотворительных вечерах, пресс-конференциях, рядом с плачущими родственниками пропавших. В жизни она выглядела моложе, чем на официальных фотографиях. Или просто иначе. Светлое пальто, собранные волосы, спокойное лицо человека, привыкшего сообщать дурные новости мягким голосом.

— Леди Коррен, — произнёс он, не приближаясь.

— Мне сообщили, что вы задавали вопросы о наших автомобилях. Я приехала поговорить с господином Мерриком и, кажется, разминулась с вами всего на несколько минут.

Слишком вовремя.

— Кто сообщил?

— Мой помощник. Вы оставляли запрос в фонде.

Три дня назад. Запрос, на который никто не ответил.

Селеста чуть подалась вперёд.

— Мы нашли расхождения во внутренних путевых листах. Если ваши сведения верны, кто-то использовал машины фонда без разрешения. Архив находится в центральном отделении. Я могу показать документы сейчас, пока человек, отвечающий за транспорт, не успел ничего удалить.

— Центральное отделение в другой стороне.

— Сегодня мы работаем в дополнительном архиве. После вашего запроса часть материалов перевезли туда для проверки.

Ответ прозвучал без паузы.

Натан посмотрел на водителя. Мужчина сидел неподвижно, положив обе руки на руль. В зеркале заднего вида отражалась лишь нижняя половина его лица.

— Вы часто забираете следователей от ворот частных поместий? — спросил Натан.

— Только тех, кто не отвечает на звонки.

Телефон в его ладони оставался без единого пропущенного вызова.

Селеста проследила за взглядом и улыбнулась:

— Связь здесь отвратительная. Спросите господина Меррика. Хотя лучше не спрашивайте — он сочтёт это критикой родового поместья.

Лёгкая шутка была рассчитана точно. Не чтобы рассмешить — чтобы сделать отказ излишне резким.

Натан сфотографировал номер автомобиля. Отправил Виктору вместе с коротким: Еду в архив «Маяка». Перезвоню через полчаса.

Сообщение получило две серые отметки.

Только после этого он открыл дверь.

В салоне пахло дождём, кожей и чем-то едва сладким. Не духами. Скорее, запахом сухих цветов, слишком долго пролежавших между страницами книги.

Автомобиль тронулся прежде, чем Натан успел пристегнуться.

Селеста протянула ему тонкую папку.

— Здесь копии путевых листов. Оригиналы увидите на месте.

Их пальцы соприкоснулись.

Напряжение исчезло.

Не ослабло постепенно — пропало разом, будто кто-то выключил звук. Плечи сами опустились. Сжатые зубы разжались. Даже боль за глазами, мучившая Натана третий день, стала далёкой и незначительной.

Он отдернул руку.

Сердце билось ровно.

Слишком ровно.

Натан посмотрел на собственные пальцы. Кожа была чистой, без следа укола. Он провёл большим пальцем по внутренней стороне запястья, проверяя чувствительность.

— Что-то не так? — спросила Селеста.

— Это вы мне скажите.

Он открыл папку. Таблицы выглядели настоящими: даты, фамилии водителей, маршруты, подписи диспетчеров. Но все листы были копиями, а нужные строки заботливо отмечены красным.

Слишком удобно.

— Сколько дел вы связываете с нами? — поинтересовалась Селеста.

— Три.

Он назвал меньше половины.

— Всего три?

Её разочарование длилось не больше мгновения, но Натан заметил.

— А должно быть больше?

— Я надеялась, что вы нашли то, чего не смогли наши сотрудники.

— Ваши сотрудники ищут пропавших или собирают сведения о том, чего они боялись?

Селеста не изменилась в лице.

— Страхи помогают понять, почему человек мог уйти добровольно.

— Надежды, семейные конфликты, чувство вины, последние счастливые воспоминания. Для ориентировок необычно подробная анкета.

— Люди состоят не только из роста, веса и цвета глаз, господин Роук.

— Для поискового фонда вы слишком хорошо это знаете.

Автомобиль свернул направо.

Натан поднял взгляд от папки. Они должны были выехать к набережной, но за окном тянулась высокая каменная стена старого промышленного района.

— Вы пропустили поворот.

Водитель не ответил.

— Архив перенесли, — сказала Селеста.

— Куда?

— Уже недалеко.

Натан потянулся к ручке. Дверь не открылась.

Тревога должна была ударить резко — холодом под рёбра, выбросом адреналина, готовностью разбить стекло и вытащить водителя из-за руля. Вместо этого он лишь отметил запёртую дверь как очередной факт.

Его собственное спокойствие пугало сильнее замка.

— Что вы сделали?

Селеста посмотрела на него почти с сочувствием.

— Вы очень устали. Человек в таком состоянии иногда перестаёт чувствовать то, что ему мешает.

— Не прикасайтесь ко мне.

— Я уже не прикасаюсь.

Она была права. Между ними оставалось почти полметра.

Но облегчение не проходило.

Натан сжал кулак до боли. Боль ощущалась нормально — сухо, отчётливо. Страх не возвращался.

Телефон показывал одну полоску сети. Он открыл диалог с Виктором и быстро набрал: «Маяк». Машина 417. Старый северный тоннель. Если не отвечу — Автомобиль нырнул под землю.

Связь пропала. Сообщение осталось с серым значком отправки.

Тоннель официально закрыли двенадцать лет назад. Натан помнил дело о двух подростках, забравшихся внутрь после обвала. Один вышел сам и потом несколько недель утверждал, что видел под городом другие улицы. Второго так и не нашли.

Тогда эту часть показаний убрали из протокола.

Лампы за окном зажигались одна за другой. Жёлтый свет резал темноту равными полосами. Натан считал их, чтобы удерживать ясность.

Двенадцать.

Тринадцать.

Четырнадцать.

На пятнадцатой стену пересекла глубокая трещина.

На шестнадцатой вода на бетоне потекла вверх.

Натан моргнул.

Влага снова стекала к земле.

— Чем вы меня отравили?

— Ничем.

— Тогда разверните машину.

— Вы искали место, куда увозят пропавших, — сказала Селеста. — Было бы невежливо не показать.

Он бросился к ней, намереваясь прижать к двери и заставить водителя остановиться.

Тело отреагировало с запозданием. Руки стали тяжёлыми. Селеста перехватила его запястье без видимого усилия.

Теперь прикосновение не принесло облегчения.

Оно принесло пустоту.

На несколько мгновений Натан забыл, зачем поднял руку. Забыл имя Виктора. Забыл лицо человека, чьё тело нашли у реки три месяца назад. Воспоминания не исчезли окончательно — отступили в темноту, словно кто-то перебирал их, решая, какие оставить.

Он ударил Селесту папкой по лицу и вырвал руку.

Она медленно повернула голову обратно.

На коже не осталось даже покраснения.

— Вы заметили быстрее остальных, — произнесла она. — Теперь понятно, почему вас решили сохранить.

— Кто решил?

Селеста улыбнулась, но впервые её лицо показалось ему неправильным. Не уродливым. Просто собранным из черт, которые должны были вызывать доверие именно у него.

Натан посмотрел в зеркало заднего вида.

Водитель отражался иначе, чем выглядел со спины. В зеркале его голова была наклонена под невозможным углом, а рот тянулся слишком далеко к уху.

Натан обернулся.

Обычный мужчина. Короткие волосы. Тёмный воротник.

Снова посмотрел в зеркало.

Отражение улыбалось.

Автомобиль проехал под последней лампой.

За ней тоннель не продолжился.

Вместо бетонных стен по обе стороны поднялись чёрные арки. За ними уходили вниз узкие улицы, похожие на Греймонт, если бы город строили по воспоминаниям человека, ненавидевшего людей. Высоко над крышами темнели башни, которых не существовало. В окнах шевелился багровый свет. Тени прохожих двигались на несколько шагов впереди своих хозяев.

Телефон по-прежнему показывал правильное время.

23:41.

Натан заставил себя сделать снимок через стекло.

Экран покрылся помехами. На мгновение среди них появилось лицо — человеческое, прижатое к внешней стороне окна.

Натан выронил телефон.

Машина остановилась.

Дверь рядом с ним открылась сама.

Он ударил первого, кто попытался схватить его, локтем в горло. Под пальцами что-то хрустнуло, но человек не отшатнулся. Второй вывернул Натану руку. Боль вернула страх — настоящий, яростный, почти желанный.

Он сопротивлялся, пока мог стоять. Цеплялся за край двери, бил ногами, пытался достать оружие. Чья-то ладонь легла на его грудь, и силы ушли так быстро, будто их выпустили через открытую рану.

Натан рухнул на колени.

Под ладонью снова оказался фамильный перстень. Холодный металл, знакомые насечки, единственная вещь, которая всё ещё принадлежала его прежней жизни.

Он сжал пальцы.

Кто-то наступил ему на запястье.

Кольцо медленно стянули с руки.

— Не трогайте лицо, — донёсся голос Селесты. Теперь он звучал глубже и будто исходил сразу из нескольких мест. — Этот ещё нужен. Он слишком много запомнил.

Перстень исчез в чужой ладони.

Потом исчез и свет.

Часть I. Нить

Расследование. Город ещё притворяется целым.

Глава 1. Свидетель

Через двадцать три дня после исчезновения Натана Роука Клер Даллен перестала ждать, что полиция позвонит первой.

До этого утра она ещё позволяла себе такую слабость. Оставляла телефон рядом с кроватью, просыпалась от шума дождя и несколько секунд верила, что пропустила звонок. Проверяла сообщения до того, как окончательно открывала глаза. Иногда набирала номер Виктора Лорна, бывшего напарника Натана, но сбрасывала прежде, чем начинались гудки.

Сегодня она проснулась в кресле агентства «Нить» и сразу поняла: никто не позвонит.

Телефон лежал на столе экраном вверх. Ни одного нового уведомления.

За высокими окнами серел Греймонт. Дождь прочерчивал витрины на противоположной стороне улицы, превращая манекены в размытые человеческие силуэты. Каменные химеры на карнизе бывшего часового магазина истекали водой. Трамвай прошёл по мокрым рельсам с таким скрежетом, словно город точил о них зубы.

Клер выпрямилась и поморщилась. Шея затекла, щёку пересекал отпечаток папки, которую она использовала вместо подушки. На папке рукой Натана было написано: «Эллер, Мара. Закрыто».

Он не верил в закрытые дела. Говорил, что это всего лишь дела, которые кому-то надоело открывать.

Клер убрала папку в нижний ящик стола.

На стене напротив висела карта Греймонта, испещрённая булавками и тонкими нитями. Когда она снимала помещение, хозяин спросил, не собирается ли она гадать по трупам. Клер ответила, что собирается находить связи. Так у агентства появилось название, а у хозяина — причина запросить залог за два месяца.

Большинство нитей теперь сходилось к одной фотографии.

Натан Роук, пятьдесят четыре года. Следователь отдела тяжких преступлений. Пропал вечером двадцать третьего октября. Последний подтверждённый звонок — в 22:16. Автомобиль найден утром возле дома. Телефон отсутствует. Следов борьбы нет.

Полиция объявила, что рассматривает все версии. Через неделю формулировка сменилась на «оснований предполагать преступление не обнаружено». Ещё через неделю его имя исчезло из ежедневных сводок.

Клер подошла к фотографии и поправила булавку, хотя та не нуждалась в поправке.

— Если ты начнёшь с ним разговаривать, я потребую свою фамилию на вывеске.

Она обернулась.

Оливер Нокс стоял в дверях с двумя стаканами кофе и бумажным пакетом под мышкой. Мокрые тёмные волосы прилипли ко лбу, очки запотели. Он выглядел так, будто утро уже предъявило ему несколько личных оскорблений и он собирался составить их полный перечень.

— Я не разговариваю с фотографией.

— Пока. — Оливер поставил перед ней стакан. — Ты опять здесь ночевала?

— Я рано пришла.

— Вчера ты была в этой же рубашке.

— Она мне нравится.

Он оглядел смятый воротник и промолчал. Это было хуже замечания.

Клер сняла с пакета резинку. Внутри лежал ещё тёплый хлеб с сыром и конверт с красной полосой, означавшей последнее предупреждение об оплате.

— Завтрак и выселение?

— Я люблю давать выбор.

— Мы не просрочили аренду.

— Мы просрочили интернет, отопление и что-то под названием «обслуживание водостоков». Если нас выселят за водостоки, это будет самая вельморийская смерть частного расследования в истории.

Клер отложила конверт, не вскрывая.

«Нить» занимала две комнаты на втором этаже. В первой помещались три стола, шкаф с техникой, кофейник, который Оливер чинил чаще, чем включал, и диван для клиентов. Вторая называлась архивом, хотя прежде была чуланом. Стеклопанная дверь ещё хранила выцветшую надпись прежнего владельца: «Ремонт часов. Возвращаем утраченное время».

На новое название денег хватило только в виде латунных букв, купленных по одной на городской распродаже. Буква «Т» стояла чуть выше остальных. Оливер утверждал, что так было задумано.

Три месяца назад Клер работала в редакции «Греймонтского вестника», имела регулярную зарплату и начальника, который называл цензуру юридической осторожностью. Потом она отказалась снять материал о компании, выкупавшей дома у семей погибших рабочих. Редакция сняла материал вместо неё, а заодно и её фамилию со списка сотрудников.

Натан тогда принёс ей дешёвое шампанское и сказал, что увольнение за правду ещё не делает человека хорошим журналистом.

— Но даёт отличный повод им стать, — добавил он.

На следующий день Клер сняла эти комнаты.

Оливер пришёл через неделю — якобы настроить защищённое хранилище, — увидел её пароль на бумажке под клавиатурой и остался из чувства профессионального ужаса.

— Есть что-нибудь от Лорна? — спросил он.

— Нет.

— Из управления?

— Тоже нет.

Она разблокировала телефон. Последнее сообщение от Виктора было вчерашним: «Без изменений. Не звони сюда». До этого — четыре дня молчания.

— Значит, сегодня занимаемся тем, за что нам хотя бы могут заплатить, — сказал Оливер. — В одиннадцать придёт женщина, уверенная, что сосед подменяет ей почту. В час — владелец ресторана с исчезающим вином. А в три я намерен убедить тебя взять дело о корпоративном мошенничестве, где нет ни одного пропавшего следователя.

— Вино исчезает из запертого погреба. Может быть, там тоже есть следователь.

— Вот поэтому я составляю договоры.

Он сел за свой стол и разбудил три монитора. На одном вспыхнули строки кода, на втором — таблица расходов, на третьем — чёрно-белое изображение лестничной площадки.

Клер сделала глоток кофе и заметила, что Оливер не отводит взгляда от последнего экрана.

— Что?

— Сегодня в семь сорок две камера отключилась.

— У неё заканчивается гарантия.

— Она не сломалась. Получила команду на перезагрузку. Одиннадцать секунд без записи.

Оливер увеличил неподвижный кадр. Перед дверью ничего не было. На следующем изображении, снятом после перезапуска, на коврике лежал серый свёрток.

Клер посмотрела на дверь.

Только теперь она заметила под вешалкой плоскую посылку размером с папку для документов. Серую бумагу стягивала тонкая белая бечёвка. Ни марки, ни курьерской наклейки. На лицевой стороне печатными буквами было выведено: «КЛЕР ДАЛЛЕН. ЛИЧНО».

— Ты трогал её?

— Я не настолько любопытен.

— Ты работаешь со мной.

— Я любопытен и труслив. Это безопасное сочетание.

Он достал из шкафа перчатки, ручной сканер и небольшой прибор, купленный после того, как одному муниципальному депутату прислали в редакцию конверт с ядовитым порошком. Проверка заняла несколько минут. Клер стояла рядом, скрестив руки, и пыталась не показывать, как ей хотелось разрезать бечёвку ключом.

— Металла нет. Электроники нет. Следов распространённых токсичных веществ нет, — сказал Оливер. — Это не значит, что внутри безопасно. Только что оно не пытается убить нас самым банальным способом.

Клер надела перчатки.

— Обнадеживает.

— Я ещё не закончил.

— Ты никогда не заканчиваешь предупреждения.

Она перенесла свёрток на пустой стол и перерезала бечёвку.

Под серой бумагой оказалась дешёвая картонная папка. Внутри лежали три десятка фотографий, сложенный вдвое лист и отпечатанный список имён.

Первую фотографию Клер поняла не сразу.

На ней был коридор. Каменные стены, низкий свод, ряд одинаковых дверей. Вместо ручек — засовы снаружи. Между дверями через равные промежутки тянулись цепи, закреплённые в стене. Свет падал откуда-то снизу и придавал камню красноватый оттенок.

На обороте стояла цифра девять.

На второй фотографии тот же коридор был снят с другого конца. На третьей — тесная комната с металлическим стоком в полу. На четвёртой — рука, пристёгнутая широким кожаным ремнём к подлокотнику деревянного кресла.

Лица человека не было видно.

Клер переложила снимок. Под ним лежал следующий — крупный план стены, покрытой длинными царапинами. Они начинались на высоте человеческого плеча и заканчивались у пола.

— Печать на обычной фотобумаге, — тихо сказал Оливер. — Без полей, без маркировки лаборатории.

— Это можно определить по фотографии?

— Можно определить, что отправитель хотел, чтобы мы подумали, будто это обычная фотобумага.

Клер подняла глаза.

— Ты мог бы хоть иногда помогать мне доверять людям.

— Я именно этим и занимаюсь. Не даю тебе довериться не тем.

Она вернулась к снимкам.

Людей на них почти не было. Только фрагменты тел: босая ступня за приоткрытой дверью, плечо под белой тканью, пальцы, вцепившиеся в решётку. Снимающий избегал лиц с такой последовательностью, которая не могла быть случайной.

Последние кадры отличались. На них были обычные места Греймонта: входы в жилые дома, остановки, больничный двор, служебный выход театра. Некоторые снимки сделали зимой, другие — летом. В углу каждого стояла дата.

Клер взяла список.

Тридцать семь имён. Возраст, профессия, день исчезновения. Никаких пояснений.

Первую связь она увидела на шестой строке.

Агнес Брай, сорок один год, бухгалтер. Исчезла одиннадцатого февраля.

Клер знала это имя. Дочь Агнес приходила в «Нить» две недели назад, но не смогла заплатить даже за первичную проверку. Клер всё равно просмотрела материалы. Полиция решила, что женщина уехала добровольно. Её бывший муж утверждал, что она была подавлена после увольнения.

Под фотографией Агнес на городской странице поиска пропавших стоял знак фонда «Маяк».

Клер провела пальцем ниже.

Роберт Тарн. Лидия Хейл. Мариан Восс.

— Я встречала эти фамилии.

Оливер подвинул стул ближе.

— Где?

— В отчётах «Маяка». Семьи получали от них юридическую помощь или деньги на поиск. Вот эта женщина... — Клер указала на Лидию Хейл. — Селеста Коррен упоминала её на благотворительном вечере. Говорила, что нельзя позволить исчезнувшим стать статистикой.

— Тридцать семь человек уже выглядят как статистика.

— Не все связаны с фондом. По крайней мере, я не помню.

Оливер взял список и направился к сканеру.

— Сейчас проверим.

Клер дочитала до конца.

Последнее имя было напечатано тем же шрифтом, но ей показалось, что буквы продавили бумагу глубже.

Натан Роук. Пятьдесят четыре года. Следователь.

Дата исчезновения совпадала.

Рядом не стояло ни слова «мёртв», ни слова «жив». Только короткая чёрная черта.

Клер перечитала строку дважды. Потом положила лист на стол и разгладила ладонью. Движение вышло слишком медленным, осторожным, будто бумага могла рассыпаться.

— Это ничего не доказывает, — сказал Оливер.

— Отправитель знает, что Натан исчез.

— Об этом знает половина города.

— Он ставит его в один ряд с людьми, пропавшими за последние восемь лет.

— Этот список можно собрать из открытых источников.

— Тогда зачем отключать камеру?

— Чтобы мы решили, что отправителю есть чего бояться. Или чтобы не увидели его лицо. Оба варианта возможны.

Клер развернула сложенный лист.

Текст был напечатан на машинке. Настоящей, не шрифтом, который должен её изображать: несколько букв сидели выше строки, «а» оставляла слабый двойной след.

«Если вы получили это, значит, меня пока не нашли.

Люди из списка не исчезли. Их забрали. Некоторые ещё живы.

Я видел место, где их держат. Полиция не поможет: там уже знают, кому возвращать вопросы. Фонд не поможет: надеждой здесь торгуют так же, как человеческими вещами.

Хотите найти Натана Роука — выясните, куда попало то, что у него отняли. След начинается с красной печати и заканчивается в доме, куда не приглашают посторонних.

Никому не сообщайте об этом письме.

Свидетель».

Несколько секунд было слышно только, как дождь бьёт по стеклу.

— «Некоторые ещё живы», — произнесла Клер.

— Это написано специально для тебя.

— Или потому, что это правда.

— Эти варианты тоже не исключают друг друга.

Она перечитала письмо. В нём не было просьбы о помощи, времени встречи или способа ответить. Отправитель не хотел разговора. Он хотел, чтобы она пошла по оставленному следу.

Натан учил её бояться таких источников сильнее, чем молчаливых.

«Если тебе сразу принесли и улику, и виновного, — сказал он однажды, — значит, кто-то продаёт тебе не правду. Он продаёт направление».

Тогда Клер было двадцать два, и она ответила, что направление всё равно может оказаться верным.

Натан вздохнул и велел ей купить ему кофе за непонятливость.

— Нам подбрасывают вывод, — сказала она.

Оливер посмотрел поверх очков.

— Я ждал, когда ты это заметишь.

— Я заметила сразу.

— Конечно.

— Но если хотя бы одна фотография настоящая...

— Мы её проверим. Без звонков в полицию, без визитов в тёмные подвалы и без попыток проникнуть в «дом, куда не приглашают посторонних» до того, как поймём, чей это дом.

— Сколько запретов в одном предложении.

— Я тренировался, пока ты спала.

Оливер начал сканировать снимки. Каждый он клал на стекло отдельными щипцами, фиксировал номер с оборота и сохранял в изолированную систему, не подключённую к общей сети.

Клер работала со списком. Семеро пропавших точно обращались в «Маяк» или получали помощь фонда. У пятерых связь была косвенной: их семьи участвовали в поддержанных фондом группах. О двенадцати она нашла только короткие полицейские публикации. Остальные словно растворились раньше, чем кто-то успел составить цифровой след.

Натан был единственным сотрудником полиции.

Это могло объяснить, почему его сохранили живым. Если словам «Свидетеля» вообще можно было верить.

Через сорок минут Оливер отменил встречу с женщиной, у которой пропадала почта. Ещё через десять — с владельцем ресторана. Оба раза он сказал, что возникла срочная техническая проблема, и укоризненно смотрел на Клер, словно проблема сидела за соседним столом.

— У первой фотографии нет метаданных, — сообщил он. — Как и у остальных.

Бумага одного типа, но снимки сделаны по меньшей мере тремя камерами.

Разрешение разное, оптические искажения разные. Даты на обороте нанесены после печати.

— Места?

— По внутренним кадрам ничего. Камень может быть старым, а может быть вчерашней декорацией. На уличных есть совпадения. Вот больница Святой Ирмы, западный вход. Вот переулок за театром. Даты соответствуют погоде и сезону.

— Люди исчезали в эти дни?

— Несколько — да. По остальным проверяю.

Он вывел на центральный монитор изображение остановки. У стеклянной стены стоял мужчина с поднятым воротником. Слишком далеко, чтобы разглядеть лицо. Рядом застыл тёмный автомобиль без различимых номеров.

— Снимок сделан за два часа до исчезновения Роберта Тарна, — сказал Оливер. —

Но доказать, что на нём Тарн, я не могу.

— Отправитель даёт нам ровно столько, чтобы мы не смогли отмахнуться.

— И недостаточно, чтобы мы могли обратиться с этим куда-то ещё.

Клер снова перебрала фотографии.

Она искала не ужас. Ужас был самым лёгким способом заставить человека перестать думать. Она смотрела на крепления цепей, швы на камне, одежду, тени, края кадров. На одной двери белела наклейка с номером. На ремне виднелась фабричная маркировка. В углу помещения лежал пластиковый стаканчик — самый обыкновенный, современный, с логотипом греймонтской сети аптек.

Значит, место существовало сейчас. Или кто-то очень старательно хотел это показать.

Последний снимок пристал к обороту предыдущего. Клер разделила их и увидела чёрный бархатный лоток.

На нём лежали часы, две запонки и тяжёлый серебряный перстень.

Клер перестала дышать.

С внутренней стороны кольца шла неровная царапина. На овальной площадке был выгравирован сокол с опущенным крылом, окружённый семью короткими насечками.

Она видела этот герб сотни раз, хотя никогда не спрашивала, что он означает. Перстень появлялся, когда Натан протягивал ей папку, стучал пальцем по неверной дате, закрывал ладонью имя источника. Он снимал его только перед дракой — и перед визитами к врачам, которых не любил ещё сильнее.

— Оливер.

Тот услышал что-то в её голосе и подошёл сразу.

— Что?

Она указала на снимок.

— Это его.

— Ты уверена?

Клер уже открывала архив фотографий. Нашла репортаж трёхлетней давности: Натан стоит у здания суда, закрывая ладонью объектив. Перстень был повернут к камере.

Оливер увеличил оба изображения и совместил контуры. Сокол. Насечки. Царапина у обода.

Совпадение оказалось точным.

— Такое кольцо можно скопировать, — сказал он, но без прежней уверенности.

— Царапину тоже?

— Если есть фотография.

— Зачем?

— Чтобы заставить тебя сделать именно то, чего хочет отправитель.

Клер перевернула снимок.

На обороте вместо цифры стоял небольшой знак, тиснённый красной фольгой: круглая сургучная печать, перечёркнутая тонкой линией. Под ней — номер 47.

«След начинается с красной печати».

— Ты знаешь этот знак? — спросила она.

Оливер сфотографировал тиснение и запустил поиск.

Первые результаты вели к типографиям, винным маркам и давно закрытому книжному магазину. Затем он изменил параметры, исключил открытые каталоги и поднял копии нескольких удалённых страниц.

— Здесь упоминание в протоколе об изъятии краденых картин, — сказал он. —

Семь лет назад. Название взято в кавычки: «Красная печать».

— Что это?

— Закрытый аукционный дом. Юридически его нет. Торги проводят каждый раз в новом месте, доступ — по личному приглашению. Продаются вещи, владельцы

которых не задают вопросов, потому что мертвы, исчезли или не хотят объяснять происхождение имущества.

— Натан расследовал их?

— В его официальных делах такого названия нет.

— В официальных много чего нет.

Оливер продолжал печатать. На экране сменялись архивные снимки, фрагменты форумов коллекционеров, старые судебные документы. Несколько минут ничего не происходило.

Клер держала фотографию за края и смотрела на перстень.

Она помнила, как однажды Натан поймал её на попытке незаметно исправить дату в черновике. Ошибка была неважной и ничего не меняла. Он заставил переписать весь материал.

«Нельзя требовать правду от других, если оставляешь себе право на удобную ложь».

Если кольцо скопировали, она это докажет.

Если его украли после смерти Натана, найдёт того, кто его убил.

Если он был жив...

Клер не позволила себе закончить мысль.

— Нашёл, — сказал Оливер.

На мониторе открылось изображение без оформления: чёрный фон, дата, адрес, зашифрованный в наборе координат, и сетка лотов. Страница не должна была появляться в поиске. Её копия сохранилась на сервере подрядчика, который забыл закрыть каталог от автоматического индексирования.

Оливер приблизил сорок седьмой номер.

Часы. Две запонки. Серебряный перстень с соколом.

Под фотографией значилось: «Лот 47. Мужской дорожный набор. Вторая половина прошлого века. Частное собрание. Подтверждённое происхождение».

Торги должны были состояться через два дня.

Клер положила рядом фотографию, полученную от «Свидетеля». Снимки совпадали до складки на бархате.

Она больше не замечала дождя, неоплаченного отопления и боли в шее. Не видела красного конверта с последним предупреждением. В комнате остались только имя Натана на стене и серебряное кольцо на экране.

Его фамильный перстень был выставлен на продажу.

Глава 2. Перстень Роука

— Не трогай страницу, — сказал Оливер.

Клер отвела руку от сенсорной панели.

— Я собиралась увеличить фотографию.

— Именно поэтому не трогай.

Он отключил компьютер от общей сети, сохранил содержимое каталога и только потом позволил ей приблизить изображение. Перстень занял почти весь экран. Сокол на овальной площадке потерял чёткость, но царапина у обода была видна хорошо — тонкая, раздвоенная на конце.

Клер знала, когда она появилась.

Пять лет назад Натан привёл её в круглосуточную закусочную напротив полицейского управления. Было около четырёх утра. Она только что вернулась из посёлка на окраине Грей-монта, где искала девятнадцатилетнюю девушку, пропавшую после ночной смены. Клер работала в «Вестнике» третий месяц и считала недостаток опыта временным неудобством, которое можно компенсировать уверенностью.

Она положила перед Натаном распечатанный материал и сказала, что знает, кто виновен.

Он прочёл текст, не притрагиваясь к кофе. Потом снял перстень и прижал им первую страницу к липкому столу, чтобы та не сворачивалась.

— Что ты знаешь? — спросил он.

Клер перечислила: бывший парень угрожал пропавшей, соседи слышали ссору, его автомобиль видели возле остановки.

— А что ты можешь доказать?

Она повторила то же самое, только медленнее.

Натан провёл ногтем по первой фразе.

— Угроза пересказана подругой. Соседи слышали мужской голос, но не видели мужчину. Автомобиль той же модели принадлежит ещё двум тысячам жителей города. Ты не нашла виновного, Даллен. Ты нашла человека, которого будет удобно обвинить.

Клер разозлилась. Сказала, что он защищает подозреваемого, потому что полиция упустила время. Натан выслушал, вернул ей страницы и потребовал проверить расписание автобусов.

Девушку нашли через двое суток в другом городе. Она уехала сама, скрываясь не от бывшего парня, а от отчима. Если бы статья вышла утром, чужая жизнь была бы разрушена одной уверенной формулировкой.

После этого Натан заставлял Клер делить записи на три столбца: «знаю», «предполагаю», «хочу, чтобы оказалось правдой».

Перстень он повредил в той же закусочной. Подцепил им металлический край стола, когда надевал обратно, выругался и до конца завтрака растирал царапину большим пальцем.

— Она точно была раздвоенной? — спросил Оливер.

— Да.

— Пять лет назад, в четыре утра, после бессонной ночи?

— Я получила лучший урок в своей жизни. И две недели смотрела на эту царапину каждый раз, когда он проверял мои записи.

Оливер открыл ещё три фотографии Натана. На одной повреждение почти не различалось. На второй свет падал вдоль обода, подчёркивая обе линии. Третью сделали в прошлом году: Натан держал стакан кофе, а Клер спорила с ним за пределами кадра.

Оливер совместил снимки с изображением из каталога.

— Форма совпадает, — признал он. — Расстояние между насечками тоже. Если это копия, её делали с очень хорошего оригинала.

— В столбец «знаю»: перстень настоящий.

— В столбец «знаю»: вероятность подделки мала.

— Он бы гордился тобой.

— Сомневаюсь. Я однажды сменил ему пароль без разрешения.

— Он три дня называл тебя электронным вымогателем.

Клер неожиданно улыбнулась. Улыбка продержалась секунду и исчезла, когда она снова посмотрела на перстень.

Натан никогда его не продавал бы. Не отдал бы в счёт долга, не оставил бы в ломбарде, не подарил. Кольцо принадлежало его отцу, а прежде — деду. Обоих Натан вспоминал без нежности, но семейные вещи сохранял с упрямством человека, который не позволял прошлому решать, достоин ли он наследства.

Она взяла лист и провела посередине две вертикальные линии.

— Что мы знаем, — сказала Клер. — Перстень попал к «Красной печати» после исчезновения Натана. Фотография из посылки взята из их каталога или сделана в том же месте. Торги назначены через два дня.

Оливер добавил:

— Человек, оставивший посылку, сумел отключить нашу камеру и знал, как найти копию закрытого каталога.

— Что предполагаем: Натан потерял перстень не добровольно.

— И что его похитители связаны с аукционом.

Клер постучала ручкой по третьему столбцу.

— Чего хотим?

Ответ был очевиден, но произнести его оказалось труднее.

— Чтобы Натан был среди тех, кто ещё жив.

Оливер ничего не сказал. Он взял фотографию перстня и положил её под прозрачную защитную плёнку.

В одиннадцать часов дождь усилился. Греймонт за окнами окончательно потерял цвет. Вода текла по крутым крышам, по каменным лицам святых и чудовищ, по окнам трамваев. Агентство наполнилось гулом, словно находилось внутри старого корабля.

Оливер восстанавливал структуру аукционного каталога, а Клер искала всё, что когда-либо связывали с «Красной печатью».

Официально такого аукционного дома не существовало.

Неофициально его название появлялось в трёх уголовных делах. В первом наследники промышленника обнаружили на частных торгах картину, исчезнувшую из семейного дома после убийства владельца. Во втором коллекция старинных монет была продана за день до того, как полиция получила ордер на её изъятие. В третьем фигурировали украшения женщины, которую семь лет считали пропавшей без вести.

Ни одно расследование не дошло до суда.

Организатор менял юридические лица, места и посредников. Платежи проходили через благотворительные пожертвования, консультационные услуги и фиктивные реставрационные работы. Участников приглашали лично. Телефоны оставляли у входа. Имена покупателей не включали в протоколы.

— Это не аукционный дом, — сказала Клер. — Это прачечная для чужого прошлого.

— С дорогим каталогом.

Оливер показал ей код страницы. Для Клер он выглядел как плотно уложенные строки бессмысленных символов.

— У каждого приглашённого свой ключ доступа, — объяснил он. — Каталог собирается под конкретного посетителя. Некоторые лоты видят все, некоторые — только выбранные покупатели.

— Почему перстень видим мы?

— Мы смотрим копию страницы, предназначенную не нам. Подрядчик сохранил её вместе с ключом владельца.

— Можно узнать, чьим?

— Если организаторы подписали его настоящим именем и приложили домашний адрес.

— Значит, нет.

— Значит, ты начинаешь разбираться в людях.

Через несколько минут Оливер нашёл в коде обозначение: R-17. Оно повторялось возле каждого изображения и в адресе страницы.

— Возможно, номер приглашения, — сказал он. — Или метка, по которой можно определить утечку.

Клер оторвалась от материалов дела.

— Если каталог подложили нам специально, отправитель может видеть, что мы его открыли?

— Копия не связана с основной системой. Но запросы изображений могли сохраниться на сервере. Я загрузил их через промежуточные узлы.

— Могли увидеть?

— Могли увидеть, что кто-то заинтересовался страницей R-17. Не нас.

Телефон Клер коротко завибрировал.

На рабочую почту пришло сообщение без адреса отправителя. Поле было пустым, тема состояла из одного слова: «ПЕРСТЕНЬ».

Оливер оказался рядом раньше, чем она успела открыть письмо.

— Не нажимай.

— Я ещё ничего не нажала.

— Ты подумала об этом очень громко.

Он перенаправил сообщение в защищённую среду. Вложений не было. Текст занимал четыре строки.

«Перстень доставили люди из окружения Леона Меррика.

Вещи не покидают Корвен-холл без ведома его владельца.

Меррик будет на торгах.

Свидетель».

Клер прочла сообщение ещё раз.

Имя она знала. В Греймонте трудно было не знать Леона Меррика, даже если человек не интересовался аристократией.

Последний представитель старой семьи. Владелец Корвен-холла и нескольких кварталов земли, которые город безуспешно пытался выкупить для застройки. Покровитель музеев, реставрационных мастерских и закрытых обществ, члены которых любили говорить о традициях, когда имели в виду собственные привилегии.

Меррик редко давал интервью. На официальных фотографиях его лицо каждый раз казалось немного другим. Клер прежде объясняла это возрастом снимков, освещением и работой ретушёров.

Она открыла страницу Корвен-холла. На главном изображении Леон стоял у парадной лестницы в тёмном костюме. Тонкие черты, спокойный взгляд, лицо человека, которому никогда не приходилось повышать голос, чтобы его услышали.

На соседней фотографии, сделанной всего месяц спустя, челюсть выглядела резче, волосы — светлее, а глаза казались почти чёрными.

Клер приблизила изображение.

— Не отвлекайся на фотографии, — сказал Оливер. — Сначала письмо.

Она закрыла страницу.

— «Свидетель» ждал, пока мы откроем каталог.

— Или отправил сообщение по расписанию.

— Слишком точное совпадение.

— Согласен.

— Он хочет, чтобы мы считали Меррика виновным.

— Тоже согласен.

— Почему мне не становится легче от твоего согласия?

— Потому что я очень поддерживающий коллега.

Оливер исследовал служебные заголовки письма. Сообщение прошло через несколько временных адресов, каждый существовал меньше минуты. Первый узел находился в Вельмо-рии, остальные — за её пределами.

— Ответить нельзя, — сказал он. — Но теперь мы знаем, что отправитель следит за ходом расследования.

— Или за каталогом.

Клер вписала имя Леона Меррика во второй столбец — «предполагаю». Рядом поставила большой вопросительный знак.

Потом, подумав, написала имя «Свидетеля» в тот же столбец.

— Нам нужно попасть на торги, — сказала она.

— Нет.

— Это было не голосование.

— Тогда тебе нужно перестать формулировать приказы так, будто они вопросы.

Оливер снял очки и потёр переносицу.

— Даже если мы установим место, у нас нет приглашения. Попытка подделать ключ предупредит организаторов. Попытка купить его познакомит нас с людьми, которые продают украшения пропавших. Попытка украсть...

— Я ничего не говорила о краже.

— У тебя было соответствующее лицо.

— У меня одно лицо.

— Нет. Есть ещё то, с которым ты объясняешь полиции, что дверь уже была открыта.

Клер подошла к окну. Напротив, под чёрным зонтом, курьер пытался прочесть номера домов. Вода доходила до краёв тротуара. Греймонт всегда выглядел древнее во время дождя, будто современный город был всего лишь краской, которую постепенно смывало с камня.

Приглашение нельзя было украсть или подделать. Значит, его следовало получить законно — настолько, насколько вообще могло быть законным посещение «Красной печати».

Она вернулась к своему столу и открыла список контактов.

— Кому ты звонишь? — спросил Оливер.

— В отдел светской хроники.

— Ты ненавидишь отдел светской хроники.

— Поэтому они мне должны.

Редактор ответил после пятого гудка. Услышав голос Клер, он сначала обрадовался, затем вспомнил обстоятельства её увольнения и стал говорить осторожнее. Когда-то она передала его отделу документы о поддельных драгоценностях на благотворительном балу. В обмен он обещал однажды не спрашивать, зачем ей понадобилась услуга.

Клер напомнила об обещании.

— Мне нужно приглашение на закрытые торги послезавтра, — сказала она. — Знак — красный круг с перечёркивающей линией.

На другом конце повисло молчание.

— Не знаю, о чём ты.

— Тогда услуга остаётся за тобой.

— Подожди.

Снова молчание. Клер слышала щелчок закрывшейся двери.

— У меня нет приглашения, — тише сказал редактор. — Но одна женщина отказалась идти. Она занимается оценкой частных коллекций. После последнего раза решила, что лучше потерять клиентов, чем однажды узнать собственный лот в полицейской сводке.

— Она поговорит со мной?

— Нет. И ты не станешь ей звонить. Я передам просьбу сам.

— Мне понадобится её согласие использовать имя.

— Ты просишь слишком много.

— Я всегда прошу слишком много.

Он тяжело вздохнул.

— Перезвоню через час.

Он перезвонил через сорок три минуты.

Женщину звали Элиза Морен. Она находилась на другом конце страны и согласилась передать приглашение при трёх условиях: Клер не станет связываться с ней лично, не упомянет её имя в публикации и не будет делать ставки от её лица.

— Последнее будет легко, — сказала Клер. — У нас не оплачены водостоки.

Редактор не рассмеялся.

— Даллен, там не продают вещи людям вроде нас. Только показывают, сколько стоит наше молчание.

— Поэтому я и иду.

Курьер доставил конверт ближе к вечеру.

Приглашение оказалось карточкой из плотной чёрной бумаги. Ни адреса, ни названия. Только имя Элизы Морен, дата и красный круг, перечёркнутый золотой линией. Внутри был впрессован тонкий электронный слой с уникальным ключом.

На обороте серебряными буквами напечатали правила: «Один гость. Без сопровождения. Без средств записи. Маска обязательна. Происхождение лотов не обсуждается».

— Очень утешительное последнее правило, — заметила Клер.

Оливер считал данные с карточки, не нарушая защиту. Ключ открыл страницу, которой не было в найденной копии каталога.

На ней появились координаты и время: двадцать два часа, послезавтра.

Координаты указывали на особняк Вальдена у Чёрной набережной. Здание уже третий год стояло закрытым на реставрацию. Его окна были забиты изнутри, а строительные леса позволяли входить и выходить так, чтобы прохожие не замечали гостей.

— Мы ещё можем отказаться, — сказал Оливер.

— Элиза Морен может. Я — нет.

Следующие два часа он создавал для неё цифровую легенду. Не новую жизнь — слишком сложную и слишком заметную, — а правдоподобную пустоту. Элиза редко появлялась на публике, не вела открытых страниц и почти не позволяла себя фотографировать. Её профессия объясняла интерес к происхождению вещей. Возраст и телосложение были достаточно близкими, а маска скроет лицо.

Клер изучила несколько старых статей Элизы, перечень выставок и названия коллекций, с которыми та работала.

— Если меня спросят о фламандской школе, я погибла, — сказала она.

— Если тебя спросят, скажи, что не обсуждаешь работу на торгах.

— А если спросят о реставрации серебра?

— Скажи то же самое.

— Если спросят, почему я на всё отвечаю одинаково?

— Скажи, что не обсуждаешь работу на торгах.

Клер сделала пометку.

Оливер установил в подкладку её будущего платья пассивный маячок, не передающий сигнал, пока не получит внешнюю команду. Обычный передатчик могли обнаружить у входа. Он перечислил пять способов, которыми план всё равно мог закончиться плохо, и только после этого согласился, что другого пути к перстню у них нет.

Около девяти вечера Клер снова открыла сохранённый каталог.

Она хотела проверить, не появились ли новые сведения о происхождении лота. Основная страница загрузилась медленно. Изображения часов и запонок остались на месте.

Под номером сорок семь был пустой чёрный прямоугольник.

— Оливер.

Он придвинулся к экрану. Проверил сохранённую копию, затем обновлённую версию на сервере.

Карточка лота исчезла целиком. Не было ни фотографии, ни описания, ни отметки о продаже. Нумерация перескакивала с сорок шестого на сорок восьмой, словно перстня Натана никогда не существовало.

— Возможно, владелец снял его с торгов, — сказал Оливер.

Клер посмотрела на чёрное приглашение, лежавшее между ними.

— После того как «Свидетель» узнал, что мы открыли каталог.

— Или после того как это узнал кто-то другой.

В третьем столбце — «хочу, чтобы оказалось правдой» — по-прежнему стояла одна строка.

Натан жив.

Клер провела под ней черту.

Кто-то по ту сторону расследования увидел, как она потянула за нить.

И теперь тянул в ответ.

В двадцать один сорок семь Клер Даллен перестала существовать.

Она сидела на заднем сиденье арендованного автомобиля в двух кварталах от Чёрной набережной и в последний раз повторяла чужую биографию.

Элиза Морен. Тридцать два года. Независимый оценщик частных коллекций. Специализация — серебро, семейные архивы и вещи с неполной историей происхождения. Последние восемь месяцев провела на северном побережье. Избегает публичности после конфликта с наследниками графа Леррона.

— Причину конфликта? — спросил Оливер с водительского места.

— Она отказалась подтвердить подлинность двух писем.

— Каких?

— Неизвестной женщины королю Эдвару Четвёртому.

— Почему отказалась?

— Бумагу изготовили на семьдесят лет позже смерти обоих.

— Хорошо. Любимый художник?

— Если меня спрашивают о любимом художнике на нелегальном аукционе, значит, мы подготовились не к тому экзамену.

Оливер повернулся.

Он смотрел не на неё, а на маскировку. Длинные каштановые волосы Клер с тёплым медным отливом были спрятаны под прямым чёрным париком. Чёрная маска закрывала верхнюю половину лица, оставляя узкие прорезы для глаз. Тёмно-зелёное платье с высоким воротом она позаимствовала в костюмерной театра; снаружи оно выглядело дорогим и строгим, изнутри хранило следы десятков булавок и едва заметный запах пыли.

В подкладке молчал маячок Оливера.

— Если тебя раскроют, не спорь, — сказал он. — Извинись за ошибку и уходи.

Если не возвращаешься до полуночи, я активирую сигнал. Если он не отвечает, звоню в полицию.

— В полицию, которая семь лет не может доказать существование «Красной печати»?

— В полицию, которой придётся объяснить, почему в закрытом на реставрацию особняке собрались семьдесят человек.

— Они объяснят. Благотворительный вечер. Частный концерт. Общество любителей плесени.

— Тогда я позвоню Виктору Лорну.

Клер перестала поправлять перчатку.

— Мы договорились не втягивать его, пока не поймём, кому можно доверять в управлении.

— А ещё мы договорились, что ты неходишь туда без возможности выйти.

— У меня есть возможность.

Оливер посмотрел на чёрный конверт в её руках.

— У тебя есть разрешение войти. Это не одно и то же.

Клер открыла дверь.

— В полночь.

— В одиннадцать пятьдесят, если маячок сместится ниже уровня улицы.

— Почему?

— Потому что хорошие аукционы проводят в залах. Плохие — в подвалах.

Она захлопнула дверь прежде, чем он успел добавить ещё одно условие.

Дождь прекратился, но воздух оставался влажным и холодным. На Чёрной набережной горели редкие фонари. Река за каменным парапетом казалась полосой густой темноты, в которой отражения города тонули раньше, чем достигали воды.

Обособняк Вальдена занимал угол квартала. Его фасад скрывали строительные леса и белая ткань с изображением будущей реставрации: светлый камень, восстановленные статуи, чистые окна. Настоящее здание за полотном было чёрным и слепым.

Главный вход заколотили досками. Клер обошла особняк и увидела между ограждениями узкий проход. Никакой вывески. Только маленькая красная печать на металлической стойке.

Мужчина в сером пальто ждал за поворотом. Маски на нём не было. Лицо выглядело настолько обычным, что Клер не смогла бы описать его через минуту.

— Приглашение.

Она протянула карточку.

Мужчина не спросил имени. Приложил печать к гладкой поверхности, и золотая линия вспыхнула. После этого он вернул приглашение и указал на вторую дверь.

Там Клер обыскали.

Женщина в чёрном провела датчиком вдоль платья, проверила украшения, попросила снять перчатки. Клер положила в деревянную ячейку телефон, часы и металлическую заколку. Пассивный маячок не отозвался на сканер.

— Средства записи запрещены, госпожа Морен, — произнесла женщина.

Клер почувствовала, как между лопаток выступил холодный пот.

Это была всего лишь проверка имени. Карточка уже сообщила его системе. И всё же собственная фамилия едва не вырвалась в ответ — привычная, настоящая.

— Разумеется.

Женщина протянула ей тонкую книжку каталога.

— Карточка должна оставаться при вас. Без неё вы не сможете сделать ставку или покинуть зал до окончания торгов.

— Покинуть?

— Таковы правила.

Клер взяла приглашение.

Первая дверь закрылась за её спиной. Вторая открылась без прикосновения.

Изнутри особняк не походил на заброшенный.

Свечи горели в высоких канделябрах, хотя под потолком тянулись современные провода. Реставрационные полотна скрывали повреждённые стены, превращая коридоры в чёрные туннели. На мраморном полу не было ни пыли, ни строительного мусора. По обе стороны стояли люди в вечерней одежде и масках.

Клер узнала депутата городского собрания по характерному наклону головы. Возле лестницы разговаривал владелец сети частных клиник. Женщина в серебряном платье могла быть одной из наследниц дома Коррен, но маска и новый цвет волос не позволяли утверждать наверняка.

Титулы в Вельмории давно не давали права управлять страной. Они давали кое-что удобнее: возможность считать своё влияние естественным порядком вещей.

Никто не спрашивал, откуда привезены лоты. Никто не притворялся, что оказался здесь случайно.

В первом зале продавали картины.

Полотна стояли на отдельных мольбертах, освещённые узкими лампами. Подписи сообщали школу, приблизительную дату и состояние. Строка «происхождение» везде была заменена словами «частное собрание».

Клер остановилась у небольшого портрета девочки в синем платье. На раме сохранился светлый прямоугольник от снятой таблички. Она видела фотографию этой картины в материале о пожаре в загородном доме семьи Астен. Тогда считалось, что полотно сгорело вместе с остальной коллекцией.

Теперь оно стоило сорок тысяч крон.

Во втором зале под стеклом лежали письма, печати и фамильные документы. Истории людей разрезали на отдельные предметы и снабдили номерами. Клер листала каталог, стараясь запомнить всё, что могло иметь отношение к списку «Свидетеля».

Лот девятнадцать заставил её вернуться на несколько шагов.

Серебряный медальон с тёмно-синей эмалью. На лицевой стороне — бегущий заяц. На обороте — инициалы А. Б.

Агнес Брай носила похожий медальон на фотографии, которую её дочь принесла в «Нить». Клер помнила, как девушка всё время касалась собственной шеи, будто привычка передалась ей вместе с тревогой.

Она наклонилась к стеклу.

Эмаль была сколота у правого уха зверя. На фотографии Агнес виднелось такое же повреждение.

В каталоге значилось: «Европейская работа, начало века. Владелец не установлен».

Клер повторила номер про себя: девятнадцать. Потом ещё раз. Телефон остался у входа, записной книжки не было. Оставалось полагаться на память.

— Владелец почти всегда установлен.

Голос прозвучал рядом.

Клер медленно выпрямилась.

Мужчина в бордовой маске рассматривал не медальон, а её отражение в стекле.

— Тогда почему об этом не пишут? — спросила она.

— Потому что неизвестность повышает цену. Покупателю нравится воображать, что вещь пережила трагедию.

— Даже если трагедия ещё не закончилась?

Он повернул к ней голову.

— Тогда особенно.

Клер не узнала голос. Судя по серебру на манжетах, мужчина мог позволить себе купить половину зала. Она запомнила рисунок маски и отошла.

Ей хотелось немедленно вернуться к Оливеру, проверить фотографию Агнес и передать сведения полиции. Это было разумно. Безопасно. Возможно, правильно.

Но перстня Натана среди выставленных вещей не было.

Она прошла дальше.

Центральный зал особняка сохранил остатки прежней роскоши. Высоко под потолком темнела фреска: охотники окружали белого оленя, а тот смотрел прямо на зрителя человеческими глазами. Балкон опоясывал стены. Под ним расставили кресла для торгов. На небольшом возвышении стояла кафедра с красной печатю.

Клер выбрала место у прохода, но не села. До начала оставалось двадцать минут.

Гости продолжали входить. Некоторые здоровались друг с другом вымышленными именами, другие обходились кивком. Слуги предлагали шампанское в бокалах без отметок. Клер отказалась.

Двери в дальнем конце зала открылись.

Разговоры не прекратились сразу. Они стихали один за другим, будто тишина распространялась от входа.

Леон Меррик вошёл без маски.

Никто не потребовал от него соблюдать правило.

На фотографиях его лицо менялось от снимка к снимку. В действительности оно оказалось ещё менее определённым — и одновременно таким точным, что Клер стало не по себе.

Он был высоким, но не массивным. Тёмные волосы зачёсаны назад небрежнее, чем позволял официальный портрет. Резкие скулы смягчал спокойный изгиб губ. В глазах при этом не было мягкости: серые, почти бесцветные, они задерживались на людях ровно настолько, чтобы собеседник успел почувствовать себя замеченным.

Ни одна черта сама по себе не была безупречной. Вместе они составляли лицо, которое Клер могла бы придумать в редкую минуту слабости — и никому потом не описать.

Он не был красивым вообще.

Он был красивым специально для неё.

Мысль показалась настолько нелепой, что Клер разозлилась.

Меррик остановился возле организатора. Тот наклонился к нему, выслушал несколько слов и поспешно ушёл. Леон проводил его взглядом, а затем посмотрел через зал.

На Клер.

Она заставила себя не отводить глаза.

Маска скрывала половину лица. Волосы были чужими. Приглашение принадлежало женщине, которую он, вероятно, никогда не видел. У него не могло быть причины узнать её.

Леон слегка улыбнулся.

Не приветливо. Так улыбаются, когда находят вещь именно там, где её оставили.

Клер первой отвернулась и раскрыла каталог.

В печатной версии нумерация тоже перескакивала с сорока шестого на сорок восьмой. Лота Натана не существовало. Она проверила оглавление, последние страницы, отдельный вкладыш для поздних поступлений.

Ничего.

Когда Клер подняла голову, Меррик разговаривал с пожилой женщиной у первого ряда. Возможно, взгляд ей почудился. Возможно, он улыбался кому-то за её спиной.

Она решила осмотреть зал ещё раз.

За кафедрой находилась закрытая дверь, возле которой дежурили двое служащих. Лоты выносили оттуда. Если перстень не сняли с торгов окончательно, он мог оставаться внутри.

Клер прошла вдоль последнего ряда, считая расстояние до выхода и охранников. В этот момент кто-то задел её плечом. Каталог выскользнул, но она успела поймать его.

Чёрная карточка приглашения исчезла.

Клер проверила перчатку, складки платья, пол под креслами.

Ничего.

Без приглашения она не могла покинуть зал.

Оливер предупреждал о десятках возможных ловушек. Ни в одной из них она не теряла единственный пропуск в первые пятнадцать минут.

— Вы это ищете?

Леон Меррик стоял в двух шагах от неё.

Карточку он держал между указательным и средним пальцами, красной печатью наружу.

— Вероятно, выпала, когда вас толкнули, — сказал он.

Клер точно помнила, что человек задел её с другой стороны.

— Благодарю.

Она протянула руку.

Леон положил приглашение ей на ладонь, но не отпустил сразу. Его пальцы задержались на её коже между краем перчатки и рукавом.

Прикосновение длилось не больше секунды.

Страх исчез.

Не ослаб постепенно — оборвался. Напряжение ушло из плеч, дыхание стало ровным, шум голосов отступил. Клер больше не волновало, что её раскрыли, что двери заперты, что вещи пропавших людей лежат под стеклом в нескольких шагах. Рядом с Леоном всё казалось далёким, разрешимым и почему-то неважным.

Облегчение было таким полным, что напугало её сильнее прежней тревоги.

Она резко отняла руку.

Карточка осталась в ладони.

Леон смотрел на неё внимательно. Не как мужчина на понравившуюся женщину. Как человек, впервые попробовавший неизвестное блюдо и ещё не решивший, что именно почувствовал.

Клер сжала приглашение.

— Мы знакомы?

— Нас не представляли.

— Тогда вы очень заботливы с незнакомцами.

— Только с теми, кто приходит ко мне под чужим именем.

Сердце ударило быстрее, но тревога возвращалась медленно, будто ей приходилось преодолевать сопротивление собственного тела.

— Я не понимаю, о чём вы.

Леон коснулся пальцем напечатанного имени.

— Элиза Морен старше вас. И никогда не носит зелёного — считает, что этот цвет делает серебро тусклым.

Клер заставила себя не смотреть на выход.

— Возможно, вы хуже знаете госпожу Морен, чем думаете.

— Возможно.

Он произнёс это без насмешки. Отступил, освобождая ей дорогу, и тихо добавил:

— Постарайтесь больше не терять приглашение, госпожа Даллен.

У неё похолодели пальцы.

— Откуда вы знаете моё имя?

Леон уже сделал шаг в сторону, но остановился.

— Вы известный журналист.

— Недостаточно известный, чтобы меня узнавали в парике и маске.

— Не преуменьшайте себя.

— И всё же?

— Вы пришли за ответом, а задаёте вопрос, на который уже знаете ответ.

— Я знаю только, что кто-то хотел привести меня к вам.

Его взгляд стал чуть внимательнее.

— Тогда разумнее было бы выяснить зачем, прежде чем идти.

— Я нетерпелива.

— Я заметил.

Раздался удар небольшого колокольчика. Гости начали занимать места.

Леон посмотрел на кресло рядом с Клер.

— Позволите?

— Нет.

— Уже лучше, — сказал он.

Он прошёл в первый ряд. Клер осталась стоять, слишком поздно понимая, что её отказ, кажется, доставил ему удовольствие.

Спокойствие продолжало держаться внутри, чужое и тёплое. Ей хотелось вернуть его — не Леона, не прикосновение, только эту краткую невозможность бояться. Желание было слабым, почти незаметным, но Клер ощутила его и возненавидела.

Она провела большим пальцем по коже там, где её коснулся Меррик.

Никакого следа.

Аукционист поднялся к кафедре. На нём была гладкая красная маска без выражения. Двери зала закрылись, два охранника встали по обе стороны.

— Дамы и господа, — произнёс он. — «Красная печать» благодарит вас за доверие.

Напоминаю: мы продаём предметы, а не истории. Всё, что вы узнаете сегодня, останется в этом доме.

Первые лоты уходили быстро.

Портрет девочки купил депутат городского собрания. За письма королевского врача торговались владелец клиник и женщина в серебряном платье. Медальон Агнес Брай достался мужчине в бордовой маске.

Клер запоминала номера покупателей, жесты, голоса. После возвращения она запишет каждую деталь. Если её память не подведёт.

Леон ни разу не поднял карточку.

Он сидел вполоборота к кафедре, словно пришёл не покупать. Иногда смотрел на лоты. Чаще — на людей, которые за них боролись.

Клер чувствовала его внимание даже тогда, когда не видела лица.

Сорок шестым лотом продали часы погибшего дипломата. Следующим по печатному каталогу должен был стать номер сорок восемь.

Аукционист сделал паузу.

Дверь за его спиной открылась. Служащий вынес небольшой лоток, накрытый чёрной тканью.

— По просьбе владельца в программу возвращён ранее снятый предмет, — объявил аукционист. — Лот сорок семь. Мужской дорожный набор из частного собрания.

Клер перестала слышать шорох каталогов.

Ткань сняли.

На чёрном бархате лежали часы, две запонки и фамильный перстень Натана Роука.

Глава 3. Госпожа Даллен

Тишина продержалась ровно один удар сердца.

Потом по залу прошёл шорох. Гости перелистывали каталоги, хотя знали, что сорок седьмой страницы там нет. Кто-то тихо рассмеялся. Мужчина в бордовой маске наклонился к соседке и что-то прошептал.

Только Леон Меррик не смотрел на лоток.

Он смотрел на Клер.

— Начальная стоимость — восемь тысяч крон, — объявил аукционист.

Клер опустила взгляд на чёрную карточку.

Приглашение давало право войти, но ставки проводились через отдельный номер покупателя. Оливер предусмотрел и это. Перед поездкой он привязал к карточке счёт «Нити», защищённый одноразовым кодом, и установил предел, не спрашивая её согласия.

«Если ты всё-таки решишь купить украденную корону, — сказал он, — система остановит тебя раньше, чем здравый смысл».

Предел составлял восемнадцать тысяч.

Для агентства это означало несколько месяцев долгов. Для людей в зале — стоимость ужина, который никто не доел.

Клер подняла карточку.

Красная печать на ней вспыхнула, подтверждая ставку.

Аукционист повернул гладкую маску в её сторону.

— Восемь тысяч. Благодарю, номер семнадцать.

Элиза Морен запретила приобретать что-либо от её имени. Формально покупателем стал бы обезличенный счёт агентства, но от этой уловки Клер не чувствовала себя честнее. Она молча пообещала, что перстень не станет покупкой. Это было имущество Натана. После торгов она добьётся отмены сделки, вернёт деньги и передаст доказательства Виктору.

Если сначала сумеет победить.

— Десять, — произнесла женщина в первом ряду.

— Двенадцать, — сказал мужчина в бордовой маске.

Клер снова подняла карточку.

— Пятнадцать тысяч, номер семнадцать.

Несколько голов повернулись к ней. Сумма была небольшой, но настойчивость выдавала личный интерес. Клер поняла ошибку слишком поздно. Она пришла искать связь и сама объявила всему залу, какая вещь имеет для неё значение.

Мужчина в бордовой маске оглянулся.

— Восемнадцать.

Это был предел.

Клер нажала большим пальцем на золотую линию карточки, пытаясь подтвердить двадцать тысяч. Печать мигнула красным и погасла.

— Восемнадцать тысяч, — повторил аукционист. — Кто предложит больше?

Она посмотрела на Леона.

Он по-прежнему не поднимал карточку.

У неё возникло нелепое чувство, что Меррик ждал именно этого момента — пока она исчерпает всё, чем располагает, и вынуждена будет признать собственное бессилие.

— Восемнадцать тысяч — раз.

Клер могла встать. Назвать имя Натана, должность, номер дела. Заставить присутствующих услышать, что они торгуются за вещь пропавшего следователя. Охрана выведет её, но молчать станет труднее.

И тогда человек, принёсший перстень, поймёт, что она не умеет ждать.

Натан учил её не путать действие с результатом.

Клер осталась на месте.

— Восемнадцать тысяч — два.

— Сто тысяч, — сказал Леон.

В его голосе не было ни азарта, ни удовольствия. Он назвал сумму так же спокойно, как время.

Мужчина в бордовой маске медленно опустил карточку.

Аукционист замер. Даже сквозь красную маску стало заметно его замешательство.

— Сто тысяч крон от господина Меррика.

Клер стиснула край каталога.

За эти деньги можно было год содержать группу поиска пропавших. Снять несколько помещений вроде «Нити». Оплатить частную экспертизу каждого снимка из посылки. Леон отдал их за кольцо, которое собирался носить не он.

Никто не попытался повысить ставку.

— Сто тысяч — раз. Сто тысяч — два. Сто тысяч — три.

Колокольчик ударил.

— Продано господину Меррику.

Леон повернул голову и встретился с Клер взглядом.

Ей показалось, что ставку он сделал не ради перстня.

Он купил право решить, получит ли она его.

Торги продолжились. На кафедре появилось ожерелье с чёрными камнями, затем старинный пистолет, затем книга с вырезанным на обложке гербом. Клер не слышала описаний и не запоминала цены.

Перстень унесли за закрытую дверь.

Леон больше не делал ставок. Он сидел неподвижно, иногда касаясь пальцами подлокотника. Отсюда Клер видела только его профиль. Теперь черты казались резче, чем несколько минут назад. Свет иначе ложился на скулы, менял линию рта. Простая игра теней — и всё же ни одна фотография снова не совпадала с человеком перед ней полностью.

Клер посмотрела на руку, которой он коснулся.

Спокойствие медленно уходило. Вместе с ним возвращались звуки, запахи и ощущение запертых дверей. Сердце снова билось быстро. Пальцы дрожали едва заметно, и Клер спрятала их в складках платья.

Она не боялась Леона во время разговора.

Теперь не понимала, почему.

Последний лот продали за полночь. Охранники открыли двери, но гостей выпускали по одному — после подтверждения расчётов и возврата приглашения.

Клер встала первой.

— Номер семнадцать, — произнёс служащий у выхода. — Ваша ставка не состоялась. Обязательств нет.

Он приложил печать к её карточке. Золотая линия погасла окончательно.

— Я могу получить сведения о продавце сорок седьмого лота?

— Нет.

— Вещь принадлежит пропавшему человеку.

— Происхождение лотов не обсуждается.

— А заявления о краже?

Служащий посмотрел на неё так, будто она нарушила правила не аукциона, а языка.

— «Красная печать» не принимает заявления.

— Зато полиция принимает.

— Тогда вам следует обратиться туда.

Он уже повернулся к следующему гостю.

Клер направилась к гардеробу, но дорогу преградили двое мужчин. Не охранники — гости. Один снял маску, и Клер узнала советника министра внутренних дел. Второй оставил лицо закрытым.

— Вы довольно решительно торговались, госпожа Морен, — сказал советник.

— Не настолько решительно, как господин Меррик.

— С Мерриком мало кто торгуется дважды.

— А в первый раз?

Мужчина улыбнулся.

— В первый ещё не знают правил.

Он пропустил её. Фраза могла быть обычной лестью богатому аристократу. Но прозвучала как предупреждение, которое советник сам когда-то получил слишком поздно.

Возле гардероба собралась небольшая группа. В центре стоял Леон.

Служащий держал перед ним раскрытый футляр с покупкой. Леон вынул перстень, рассмотрел герб и что-то спросил. Ответа Клер не услышала. Потом он закрыл футляр, оставив кольцо в руке.

Присутствующие расступились, когда он направился к ней.

Клер остановилась.

Можно было отвернуться, уйти через служебный коридор, сделать вид, что не заметила. Но все в зале уже знали: лот был нужен именно ей. Отступление ничего не скроет.

Леон подошёл достаточно близко, чтобы говорить тихо, однако не понизил голоса.

Он раскрыл ладонь. На чёрной ткани перчатки лежал серебряный перстень.

— Полагаю, вы пришли именно за ним, госпожа Даллен.

Имя услышали все.

Шёпот возник почти сразу. Кто-то повторил её фамилию. Советник министра отвернулся, словно больше не хотел иметь отношения к разговору. Женщина в серебряном платье, напротив, сделала шаг ближе.

Леон разоблачил Клер и одновременно объявил, что она находится рядом с ним. В этом зале второе могло быть важнее первого.

— Вы заплатили сто тысяч, чтобы сделать мне подарок? — спросила она.

— Нет. Я заплатил сто тысяч, чтобы никто другой не ушёл с ним.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который имеет значение для перстня.

Клер не протянула руку.

— Он ваш? — спросила она.

— Теперь — да.

— Вы выставили его на торги?

— Нет.

Ответ последовал без паузы.

— Вы знаете продавца?

— Я знаю людей, способных это выяснить.

— Перстень принадлежит Натану Роуку.

— Знаю.

— Откуда?

— Он носил его, когда приезжал в Корвен-холл.

Вокруг них продолжали стоять люди. Леон не пытался увести её в сторону и не боялся свидетелей.

— Когда? — спросила Клер.

— В ночь своего исчезновения.

Её спокойствие исчезло окончательно.

— Вы были последним, кто видел его живым?

— Нет.

— Кто видел после вас?

— Это вам предстоит установить.

Клер сделала шаг к нему.

— Вы пригласили Натана?

— Он приехал без приглашения.

— Зачем?

— Хотел задать вопросы о моих автомобилях, благотворительных пожертвованиях и тоннелях под северной частью города.

— Что вы ответили?

— Правду.

— Какую именно?

— Что ни один принадлежащий мне автомобиль не перевозил пропавших людей.

Формулировка была слишком точной.

— А автомобиль, не принадлежащий вам?

В глазах Леона мелькнул интерес.

— Натан задал тот же вопрос.

— И?

— Я предложил ему проверить записи камер.

— Покажите их мне.

— С удовольствием.

Лёгкость согласия насторожила сильнее отказа.

— Сейчас.

— Архив находится в Корвен-холле. Сегодня у меня нет желания возвращаться туда ради человека, который всё равно заподозрит монтаж.

— Значит, вы не хотите помочь.

— Я не помогаю вам, Клер. Я хочу понять, кто решил привести вас ко мне.

Впервые он назвал её по имени. Без фамилии оно прозвучало слишком близко.

— «Свидетель»?

Леон не изменился в лице, но его взгляд задержался на ней дольше.

— Так он себя называет?

— Или она.

— Разумное уточнение.

— Вы знаете, кто это?

— Пока нет.

Клер ему не поверила. Не потому, что заметила ложь. Наоборот — Леон отвечал с такой аккуратностью, будто заранее выбрал участки правды, которые можно открыть без риска.

— Вы говорите только то, что ничего мне не даёт.

— Перстень у вас перед глазами. Запись существует. Натан покинул мой дом живым. Для первой встречи я необычайно щедр.

— Перстень пока у вас.

Леон перевернул руку. Кольцо скользнуло в её ладонь.

В этот раз ткань перчаток не позволила их коже соприкоснуться.

Металл оказался холодным и тяжёлым. Настоящим.

Клер сжала пальцы.

— Что вы хотите взамен?

— Один танец.

Она посмотрела на него, решив, что ослышалась.

— Сто тысяч за танец?

— Перстень я уже отдал. Танец — плата за архив.

— Вы всегда назначаете условия после того, как человек согласился?

— Вы ещё ни на что не согласились.

Он достал из внутреннего кармана кремовую карточку с гербом Корвен-холла. На ней было написано имя Клер — настоящее, без ошибки, — и дата через три дня.

«Бал Старых Домов. Маскарад».

— После танца вы получите доступ ко всем записям за тот вечер, — сказал Леон. —

Приезжайте с тем, кому доверяете, если это поможет вам чувствовать себя безопаснее. Но в архив войдёте одна.

— Почему бал?

— Потому что тот, кто направил вас ко мне, наверняка будет ждать вашего следующего шага. Не будем разочаровывать наблюдателя.

Он вкладывал в её руки ловушку и даже не притворялся, что это приглашение.

— А если я откажусь?

— Вы проверите запись другим способом. Незаконным, более опасным и значительно более шумным.

Клер вспомнила лицо Оливера, когда он говорил о дверях, которые якобы уже были открыты.

— Вы слишком уверены, что знаете меня.

— Я знаю, за чем вы пришли. Для начала достаточно.

Леон отступил.

— До встречи, госпожа Даллен.

— Я не сказала, что приду.

— Разумеется.

Он ушёл прежде, чем Клер нашла ответ, который не прозвучал бы обещанием.

У гардероба ей вернули телефон и часы. На экране было одиннадцать пропущенных сообщений от Оливера и три вызова. Клер включила связь.

Он ответил мгновенно.

— Где ты?

— Иду к выходу.

— Маячок не двигался девятнадцать минут.

— Шли последние торги.

— Полночь прошла.

— На четыре минуты.

— За четыре минуты можно совершить множество преступлений.

Клер посмотрела на людей, которые покидали особняк с картинами, письмами и украшениями пропавших.

— Здесь это доказали.

На улице холод обжёг лёгкие. Городские звуки вернулись сразу: автомобили на мокрой мостовой, далёкий трамвай, ветер над рекой. Вместе с ними пришёл страх, которого Клер не чувствовала рядом с Леоном.

Теперь его было слишком много.

Оливер ждал за рулём. Увидев её, он вышел, быстро осмотрел платье, руки, лицо.

— Ты ранена?

— Нет.

— Точно?

— Оливер.

— Это не ответ.

— Теперь ты говоришь как я.

Клер раскрыла ладонь.

Перстень блеснул под фонарём.

Оливер замолчал.

Они не стали рассматривать его на улице. В машине Оливер запер двери, включил верхний свет и достал из оборудования маленькую камеру с увеличительной насадкой.

Клер сняла парик и маску. Кожа под ними зудела, голова болела от шпилек. Она рассказала о ставках, прикосновении Леона, записях Корвен-холла и приглашении на бал. Оливер не перебивал до слов «один танец».

— Нет.

— Ты уже говорил это об аукционе.

— И оказался прав.

— Я вернулась с перстнем.

— Который купил подозреваемый, знавший твоё имя и ожидавший тебя в месте, куда тебя привёл анонимный источник. Это не победа. Это доставка.

Клер посмотрела на приглашение Леона.

— Он не отдавал перстень на торги.

— Потому что сказал?

— Он ни разу не солгал.

— Ты провела рядом с ним час.

— Тем более странно.

Оливер поднёс перстень к объективу.

На внешней стороне сохранились все знакомые повреждения. Сокол с опущенным крылом, семь насечек, раздвоенная царапина. Внутри — старая проба и две буквы, обозначающие мастерскую.

Клер уже хотела убрать кольцо, когда Оливер изменил угол света.

— Подожди.

Рядом с пробой темнела свежая метка.

Три тонких пореза сходились в одной точке. Их нанесли не резцом: края металла были не выдавлены, а словно раздвинуты изнутри. Знак напоминал букву неизвестного алфавита или след когтя, слишком правильный для случайной царапины.

— На старых фотографиях этого нет, — сказала Клер.

— Нет.

Оливер увеличил изображение. В глубине каждой линии виднелся тёмный налёт, которого не брала салфетка.

— Похоже на инвентарную отметку, — произнёс он.

Клер вспомнила список имён, комнаты с цепями и фразу из письма: «Люди не исчезли. Их забрали».

Кто-то не просто отнял у Натана перстень.

Кто-то зарегистрировал его владельца как собственность.

К утру тёмный налёт внутри метки исчез.

Оливер оставил перстень под камерой на всю ночь. В шесть двадцать три линии ещё были заполнены веществом, похожим на засохшую кровь. В шесть двадцать четыре металл стал чистым. Запись не показала движения, испарения или изменения цвета — один кадр просто не совпал со следующим.

— Камера пропустила секунду? — спросила Клер.

— Нет.

- Ошибка сжатия?
- Мы снимали без сжатия.
- Реакция на воздух?
- Тогда камера зафиксировала бы процесс.

Оливер сидел перед монитором с третьим кофе. Они вернулись в «Нить» после двух часов ночи и так и не разошлись по домам. Платье Элизы Морен висело на двери архива, парик лежал на шкафу и в утреннем свете напоминал спящее животное.

Перстень находился в прозрачном контейнере. Клер не касалась его с тех пор, как внутри обнаружили знак.

- Добавь в столбец «не знаем», — сказала она.
- Для него понадобится второй лист.

На стене появились новые фотографии. Особняк Вальдена. Медальон Агнес Брай. Советник министра без маски. Леон Меррик у входа в Корвен-холл. Между ними Клер протянула нити, но пока каждая связь оканчивалась вопросом.

Одна вела к фонду «Маяк».

Семеро людей из списка получали его помощь. Натан проверял автомобили фонда перед исчезновением. Агнес Брай обратилась туда за два месяца до того, как её медальон оказался на тайном аукционе.

Леон произнёс в Корвен-холле слова «благотворительные пожертвования».

- Я поеду в «Маяк», — сказала Клер.
- Оливер снял очки и посмотрел на неё воспалёнными глазами.
- После сна.
- Они открываются в девять.
- Люди, которые спят, тоже существуют в девять.
- У меня встреча в десять.
- Когда ты успела её назначить?
- Пока ты проверял налёт.
- Разумеется.

Он встал и достал пальто.

- Я еду с тобой.
- Нет. Если фонд связан с исчезновениями, два человека из «Нити» привлекут больше внимания. Если не связан — я зря превращу обычную беседу в обыск.
- Ты уже решила, что он связан.

Клер посмотрела на фотографию медальона.

- Я решила, что хочу ошибиться.

Фонд «Маяк» занимал бывшее здание страхового общества в центре Греймонта. Над входом возвышалась узкая башня с часами, остановившимися на двенадцати минутах четвёртого. По обе стороны от дверей горели золотистые лампы — даже днём, даже летом. Их свет стал эмблемой фонда.

На гранитных ступенях сидели две женщины. Одна плакала, закрыв лицо шарфом. Вторая держала её за плечи. Волонтёр в светлом пальто опустился рядом, предложил воду и дождался, пока обе смогут встать.

Внутри не было привычной для благотворительных организаций суеты. Никто не повышал голос. Телефоны звонили приглушённо. Сотрудники знали посетителей по именам и не заставляли повторять причины обращения у общей стойки.

На стене висели портреты пропавших. Не полицейские снимки, а фотографии, выбранные семьями: дни рождения, прогулки, случайные улыбки. Под каждым лицом горела маленькая лампа.

Клер невольно стала искать Натана.

Его фотографии не было.

У дальней стены мужчина лет шестидесяти заполнял анкету. Рядом сидела девочка в школьной форме и держала на коленях красный рюкзак. Вопрос сотрудницы Клер не расслышала, но мужчина ответил:

— Она бы не оставила дочь. Что бы вам ни сказала полиция, она бы не оставила.

Девочка не плакала. Только сильнее прижала рюкзак.

Сотрудница не стала произносить привычное «мы понимаем». Она спросила, какую одежду женщина взяла из дома и кто последним видел её после работы. Говорила спокойно, не перебивала, записывала точные формулировки. Клер наблюдала дольше, чем позволяла вежливость.

Вот почему «Маяку» доверяли.

Здесь не обещали найти каждого. Не просили родственников проявить терпение. Не объясняли, что взрослый человек имеет право исчезнуть. Фонд предлагал то, чего чаще всего не хватало семьям: относился к их уверенности серьёзно.

Это не доказывало невиновность Селесты. Но делало правду сложнее и опаснее. Если «Маяк» участвовал в исчезновениях, настоящая помощь была не прикрытием, а частью механизма доверия.

— Госпожа Даллен?

Администратор поднялась ей навстречу.

— Леди Коррен примет вас лично. Прошу.

— Я записывалась к сотруднику архива.

— Леди Коррен попросила сообщить, когда вы придёте.

Клер не спрашивала, откуда основательница фонда узнала о встрече. В небольшой организации такое могло быть нормой. После аукциона её фамилию, вероятно, уже обсуждала половина старых семей Греймонта.

Она последовала за администратором на второй этаж.

Кабинет Селесты Коррен оказался меньше, чем ожидала Клер. Ни семейных портретов, ни позолоты. Светлые стены, книги, две чашки на низком столике. Единственной дорогой вещью выглядело старое окно с цветными стёклами. В центре был изображён маяк над чёрным морем.

Селеста стояла у шкафа с папками.

Клер видела её на благотворительных вечерах и в новостях, но вблизи леди Коррен казалась моложе. Светлые волосы были собраны низко на затылке, серебро у висков не покрашено. Серые глаза смотрели прямо и спокойно. На ней не было украшений, кроме узкого кольца из тёмного металла.

Она выглядела не как человек, управляющий большим фондом.

Она выглядела как женщина, которую хочется увидеть у больничной двери, когда врач ещё не вышел.

— Клер, — сказала Селеста. — Спасибо, что пришли.

Она протянула руку.

Клер успела вспомнить Леона — его пальцы на коже и внезапную тишину внутри. Но отказаться от обычного рукопожатия означало бы показать подозрение, для которого пока не было причины.

Она коснулась ладони Селесты.

Облегчение накрыло её мгновенно.

Сильнее, чем на аукционе.

Ночная усталость исчезла. Боль от шпилек и недосыпа растворилась. Даже мысль о Натане потеряла острые края. Он больше не казался человеком, которого могли пытать в комнате с цепями. Он был где-то далеко — живой или мёртвый, но уже недоступный страху Клер.

Ей захотелось закрыть глаза.

Селеста продолжала держать её руку.

На одно мгновение в лице женщины что-то изменилось. Зрачки расширились, губы приоткрылись. Не удивление и не узнавание — скорее голод человека, неожиданно почувствовавшего запах еды.

Потом выражение исчезло.

Селеста отпустила её.

Клер отступила на полшага.

Она заставила себя вспомнить комнату с цепями на фотографиях. Представила Натана в ней, его руку без перстня, тёмный знак внутри кольца. Ещё минуту назад эти образы вызывали тошноту и желание немедленно действовать. Теперь они оставались понятными, но эмоционально пустыми — как чужой материал, который она редактировала для газеты.

Клер незаметно впила ногтями в ладонь.

Боль почувствовала. Страха — нет.

Воздействие отличалось от обычного успокоения. Селеста не утешила её и не убедила в безопасности. Она словно отделила эмоцию от факта, оставив Клер память о тревоге, но забрав саму способность её испытывать.

На аукционе Леон сделал то же самое слабее.

Два человека. Два прикосновения. Одинаковый результат.

И оба раза кожа соприкасалась с кожей. Позднее, когда Селеста коснулась её через пальто, ничего не произошло. Клер пока не знала, почему это важно, но сохранила наблюдение отдельно от догадок. Физический контакт мог быть условием

— или лишь совпадением, которое следовало проверить ещё раз.

— Всё в порядке? — спросила хозяйка кабинета.

— Да.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Вы бледны. Наверное, почти не спали после вчерашнего.

— Вы знаете об аукционе?

— В Греймонте мало тайн, когда семьдесят влиятельных людей возвращаются домой одновременно. — Селеста указала на кресло. — И Леон нечасто платит сто тысяч за вещь, чтобы сразу её отдать.

Клер села, но не притронулась к предложенному чаю.

— Вы хорошо знаете господина Меррика?

— Очень давно.

Ответ сопровождался мягкой улыбкой, в которой не было тепла.

— Насколько давно?

— Достаточно, чтобы не принимать его жесты за щедрость.

— Чем тогда был вчерашний жест?

— Интересом. — Селеста сложила руки на коленях. — Это может быть опаснее.

Спокойствие после прикосновения держалось внутри Клер. Предупреждение должно было встревожить, но прозвучало почти отвлечённо.

— Почему?

— Леон привык рассматривать людей как задачи. Чем дольше человек сопротивляется разгадке, тем больше времени он ему уделяет.

— Вы говорите как бывшая задача.

В глазах Селесты мелькнуло что-то холодное.

— Скорее как человек, который много раз видел последствия.

Она перевела взгляд на сумку Клер.

— Перстень у вас?

— В надёжном месте.

— Правильно. После случившегося я бы не носила его при себе.

— Что именно случилось?

— Вещь пропавшего следователя оказалась на незаконных торгах. Этого уже достаточно.

Селеста не спросила, как Клер установила владельца. Возможно, узнала от людей с аукциона. Возможно, видела фотографии Натана. Объяснений было много, и каждое пока выглядело разумным.

Клер достала копию списка.

— Эти люди обращались в «Маяк».

Селеста пробежала глазами фамилии.

— Не все. Семьи одиннадцати получали нашу помощь. Трое приходили сами до исчезновения — из-за угроз или конфликтов дома. По семи случаям мы консультировали полицию.

Она назвала цифры без проверки базы.

— Вы помните всех?

— Я стараюсь помнить тех, кого остальные начинают забывать.

Фраза могла стоять на рекламном плакате. В устах Селесты она не звучала заученной.

— Агнес Брай?

— Её дочь всё ещё приходит по четвергам. Агнес боялась потерять работу и квартиру. Бывший муж использовал это, чтобы убедить полицию в добровольном отъезде.

— На аукционе продавали её медальон.

Селеста медленно положила список на стол.

— Вы уверены?

— Настолько, насколько можно быть уверенной по фотографии.

— Скажите дочери не сейчас. Сначала получите вещь или подтверждение. Ложная надежда бывает жестокой.

Совет был правильным. Натан дал бы такой же.

От этого Клер стало ещё неуютнее.

— Он приходил к вам? — спросила она.

— Натан Роук?

— В ночь исчезновения или раньше.

— Мы передавали ему материалы по нескольким делам. Лично со мной он не встречался.

Селеста ответила без паузы. Клер отметила точность формулировки: она не исключала встречи Натана с кем-то из сотрудников фонда.

— Он проверял ваши машины.

— Наш автопарк помогает семьям, которым нужно ездить между больницами, участками и моргами. Машины бывают у десятков зданий каждый день.

— Они регулярно въезжают на территорию Корвен-холла.

Селеста не удивилась.

— Леон предоставляет нам помещения для хранения гуманитарной помощи и финансирует часть программ. Его имя не стоит на стене, но старые семьи предпочитают благотворительность без лишних вопросов.

— Или с другими вопросами.

— Возможно.

Селеста поднялась.

— Я распоряджусь, чтобы вам показали архив по этим одиннадцати семьям.

Персональные данные придётся скрыть, но даты, маршруты поисковых групп и использование автомобилей вы получите.

— Вы так легко предоставляете внутренние документы журналисту?

— Бывшему журналисту, который нашёл вещь нашей подопечной там, куда полиция не смогла попасть за семь лет.

Клер почувствовала укол раздражения. Он оказался неожиданно слабым, словно между эмоцией и телом лежала плотная ткань.

— Я не бывший журналист.

Селеста улыбнулась.

— Тогда тем более.

Архив располагался этажом ниже. Молодой сотрудник принёс Клер планшет с одиннадцатью обезличенными досье и оставил в маленькой комнате под камерой наблюдения.

Первые страницы содержали обычные сведения: даты, контакты, номера полицейских дел, действия волонтеров. Затем начинались анкеты.

Клер ожидала вопросы о внешности пропавшего, привычных маршрутах и болезнях. Они были. Но занимали меньше места, чем раздел под названием «Эмоциональный профиль семьи».

«Какой страх возник первым после исчезновения?»

«Кого вы вините, когда остаётесь одни?»

«Какой момент ваших отношений вы хотели бы изменить?»

«Что вы почувствуете, если пропавший вернётся и откажется вас видеть?»

«Какую надежду вы считаете постыдной?»

Ответы сохранялись дословно. Рядом сотрудники отмечали силу реакции, продолжительность плача, признаки гнева и готовность повторно обсуждать болезненное воспоминание.

В деле дочери Агнес стояло: «Основное чувство — вина. Вторичное — надежда. Высокая устойчивость при повторном переживании».

Клер перечитала строку.

Это не было картой поиска.

Это было описанием того, как причинить человеку боль и сколько раз он её выдержит.

Она вызвала сотрудника.

— Кто составляет эмоциональные профили?

— Психологи фонда.

— Здесь анкета заполнена в день первого обращения. Консультация психолога состоялась через неделю.

Он посмотрел на экран.

— Вероятно, первичную оценку провёл координатор.

— Координаторы спрашивают людей, какую надежду они считают постыдной?

— Это помогает подобрать поддержку.

— Каким образом?

— Я не занимаюсь методикой.

Сотрудник уже не улыбался.

— Эти данные передаются кому-нибудь за пределами фонда?

— Нет.

— Леону Меррику?

— Разумеется, нет.

Ответ был слишком поспешным.

Клер сохранила номера форм и время заполнения. Скопировать сами анкеты система не позволила, но основные фразы она записала от руки.

Когда Клер вернула планшет, Селеста ждала у лестницы.

— Нашли что-нибудь полезное?

— Вы собираете больше сведений о чувствах родственников, чем о последних маршрутах пропавших.

— Маршруты ищет полиция. Мы работаем с теми, кто остаётся.

— Для поддержки необязательно оценивать, сколько раз человек готов переживать худшее воспоминание.

Селеста не стала оправдываться.

— Вы правы. Формулировка отвратительна. Я проверю, кто её утвердил.

Так ответил бы хороший руководитель: признал конкретную ошибку, не защищая систему целиком.

Клер снова почти поверила ей.

— Если вам напишет человек, приславший список, — продолжила Селеста, — не встречайтесь с ним одна.

— Я не говорила, что список прислали.

Между ними возникла пауза.

— Вы сказали администратору, что получили сведения от анонимного источника, когда записывались на встречу.

Клер действительно сказала. Одну фразу, чтобы добиться доступа к архиву.

— Я не называла его человеком.

— Это речевая привычка. — Селеста легко коснулась её локтя, направляя к выходу.

— Простите. Я слишком долго работаю с испуганными семьями и иногда пытаюсь защитить даже тех, кто об этом не просит.

Через ткань пальто Клер ничего не почувствовала.

Ей стало жаль.

Она заметила это желание и ускорила шаг.

На улице шёл мелкий дождь. Оливер ждал её в кафе напротив: Клер увидела его за окном, склонившегося над ноутбуком. Он знал, куда она направилась. Больше — никто, кроме сотрудников фонда.

Телефон включился, едва Клер спустилась с последней ступени.

Новое письмо пришло в ту же минуту.

Без адреса. Без темы.

«Меррик уже знает, что вы ищете Роука. Он вернул перстень не из желания помочь.

Если пойдёте в Корвен-холл, не оставайтесь с ним наедине.

Свидетель».

Клер посмотрела на время отправки.

Письмо ушло через тридцать восемь секунд после того, как она покинула здание фонда.

Она подняла голову.

Золотые лампы «Маяка» горели над дверями, обещая семьям пропавших, что кто-то продолжает искать во тьме.

А кто-то внутри уже знал каждый её шаг.

Глава 4. Бал Старых Домов

Корвен-холл начинался задолго до ворот.

Дорога поднималась над Греймонтом широкими поворотами. Город оставался внизу — мокрые крыши, шпили, красные огни трамваев. Чем выше ехал автомобиль, тем реже становились фонари. За последними домами их сменили каменные столбы с чашами, в которых горел неподвижный белый огонь.

Оливер посмотрел на пламя через стекло.

— Электричество?

— Надеюсь.

— Очень научный ответ.

— Я журналист, а не специалист по декоративным кострам.

Он вёл машину медленно. В тёмном костюме и простой чёрной маске Оливер выглядел не гостем аристократического бала, а человеком, пришедшим проверить пожарную безопасность. Маску он снимал уже трижды, жалуясь, что она мешает боковому зрению.

Клер оставила свои волосы открытыми. После парика на аукционе ей не хотелось снова носить чужое лицо. Длинные каштановые пряди с медным отливом были подняты и закреплены на затылке, платье цвета ночного неба закрывало плечи и руки. Маска повторяла узор тонких серебряных ветвей.

В левую серьгу Оливер встроил наушник. Брошь у ключицы передавала изображение на его телефон, пока они находились в пределах нескольких десятков метров. Он собирался оставаться в зале, но связь позволяла им не держаться рядом.

— Напомни правила, — сказал он.

— Не пить, не есть, не уходить с Леоном в подвал, не открывать двери с кровавыми надписями.

— Последнего пункта не было.

— Я добавила.

— Если связь исчезает, возвращаешься в главный зал.

— Архив может глушить сигнал.

— Тогда не идёшь в архив.

Она смотрела на него, не пряча взгляд.

— Мы ради него приехали.

— Я всё ещё надеюсь, что Меррик принесёт записи в гостиную, поставит чай и подпишет согласие на публикацию.

— Тебе нужно больше спать.

— Мне нужно выбирать менее упрямых деловых партнёров.

Ворота открылись до того, как автомобиль остановился.

Корвен-холл возвышался на склоне, отделённый от города старым парком. Центральная часть была построена из почти чёрного камня. Два крыла уходили в стороны, охватывая двор, словно раскрытые руки. Башни казались разными по высоте, хотя Клер знала по фотографиям, что они одинаковы.

В каждом окне горел свет.

Слуги направляли автомобили к лестнице. Над входом висел герб Мерриков — коронованный ворон, держащий в клюве сломанный ключ. Музыка доносилась даже во двор.

Клер предъявила кремовое приглашение.

— Госпожа Даллен и господин Нокс, — произнёс распорядитель.

Их имена уже были внесены в список.

Внутри Клер первой почувствовала не роскошь, а неправильность пространства.

Парадный холл был выше, чем позволяла крыша. Колонны поднимались к своду, скрытому темнотой, хотя снаружи над этой частью здания находился только один этаж. Коридор справа казался прямым, но люди, уходившие по нему, исчезали за поворотом, которого Клер не видела. В зеркалах отражалось на одну дверь больше, чем было в стене.

Она остановилась.

— Что? — тихо спросил Оливер.

— Ничего. Архитектура.

— Опасная?

— Раздражающая.

Он посмотрел на изображение с броши.

— На камере всё нормально.

Клер снова пересчитала двери.

Теперь их было одинаковое количество.

Она открыла на телефоне старый план поместья, сохранённый Оливером. Парадный холл должен был заканчиваться сразу за лестницей. На его месте находились ещё две галереи и арка, ведущая во внутренний двор. Клер решила, что схема устарела, однако дата последней реставрации стояла всего пять лет назад.

Корвен-холл не выглядел перестроенным. Он выглядел так, будто сам выбирал, какую часть себя показывать.

Бал Старых Домов проводили ежегодно со дня отмены монархии. Когда-то аристократы Вельмории собирались здесь, чтобы приносить присягу королю. Теперь они собирались, чтобы уверять друг друга, что утрата официальной власти ничего не изменила.

Маски появились после первых республиканских выборов. По официальной версии — как символ равенства семей перед новым законом. На старых фотографиях Клер видела другое: министры, судьи и промышленники скрывали лица, чтобы на следующий день отрицать заключённые здесь соглашения. Традиция пережила людей, которым была нужна.

Сегодня маски обозначали не тайну, а принадлежность. Серебряные носили семьи, служившие прежней короне. Золотые — те, кто финансировал восстановление страны после падения монархии. Чёрные не объясняли никому. Их было всего несколько, и перед владельцами таких масок гости освобождали дорогу сами.

Клер получила серебряную вместе с приглашением, хотя её семья никогда не входила в списки аристократии. Это было ещё одно решение Леона, принятое за неё и понятное всем присутствующим, кроме неё самой.

В большом зале под хрустальными люстрами кружились маски. Оркестр играл на балконе. У стен висели знамёна семей, чьи титулы сохранились только в светской хронике, но банковские счета и связи пережили несколько правительств.

Клер узнала многих гостей с аукциона.

Здесь они не прятались так тщательно.

— Я начинаю распознавание, — сказал Оливер в наушнике. — Не смотри прямо на каждого, кого называю. Теодор Верн, у колонны слева. Чёрная маска, серебряная трость.

Клер взяла бокал воды у проходившего слуги и повернулась к оркестру.

Теодору Верну было около пятидесяти. Худой, безупречно прямой, он слушал пожилую женщину так внимательно, будто та диктовала завещание. Его семья владела старейшим нотариальным и наследственным архивом страны. Через контору Верна проходили брачные договоры, разделы собственности и последние воли тех самых людей, которые сейчас танцевали под люстрами.

— Он знает, кому принадлежит Греймонт, — продолжил Оливер. — И кому будет принадлежать после смерти нынешних владельцев.

Теодор поднял глаза.

Несмотря на расстояние, посмотрел точно на Клер.

— Кажется, он слышал, — прошептала она.

— С такого расстояния невозможно.

Верн вежливо наклонил голову.

Клер ответила тем же.

— Доктор Эстер Нолл, — сообщил Оливер. — Справа от рояля. Глава института Нолл. Закрытая психиатрия, государственные контракты, три иска от семей пациентов — все отклонены.

Эстер была одета в белое. Маска закрывала только глаза, оставляя открытым спокойное, почти неподвижное лицо. Она не участвовала в разговоре вокруг себя, а наблюдала за собеседниками, отмечая жесты и реакции. Когда один из мужчин рассмеялся, Эстер улыбнулась на мгновение позже, словно воспроизвела правильный ответ.

— Марек Дорн, — сказал Оливер. — У лестницы. Его трудно не заметить.

Дорн действительно выделялся. Высокий, широкоплечий, с коротко остриженными волосами и узким шрамом у виска, он стоял спиной к стене, откуда видел оба выхода. Корпорация Дорна обеспечивала охрану правительственных объектов и продавала технику в страны, где официально не вела дел. Пока остальные гости наслаждались балом, Марек оценивал помещение как будущую зону боя.

Он заметил брошь Клер.

Его взгляд задержался на ней, затем переместился к Оливеру. Уголок рта едва заметно приподнялся.

— Он понял, — сказала Клер.

— Невозможно определить передатчик просто взглядом.

— Сегодня ты слишком часто употребляешь слово «невозможно».

— Потому что окружающие ведут себя невежливо по отношению к физике.

Марек отделился от стены и направился к ним.

Оливер перестал улыбаться.

— Госпожа Даллен, — произнёс Дорн. Голос был низким и сухим. — Я ожидал, что на балу вы будете задавать вопросы, а не вести трансляцию.

Клер не коснулась броши.

— Вы переоцениваете мои украшения.

— Обычно люди недооценивают технику, пока она не отказывает в нужный момент.

— Ваша корпорация построена на этом рекламном слогане?

Марек посмотрел на Оливера.

— Передатчик расположен правильно для звука и плохо для постоянного изображения. Во время танца ткань и чужие тела переключают сигнал. Увеличьте мощность — обнаружит охрана. Оставьте как есть — потеряете связь в центре зала.

— Спасибо за консультацию, — сказал Оливер. — Пришлите счёт.

— Я не консультирую. Я оцениваю, насколько человек подготовлен к последствиям собственных решений.

— И насколько подготовлены мы?

Марек снова посмотрел на Клер. Не на платье или маску — на руки, положение ног, расстояние до ближайшей двери.

— Вы подготовились к той опасности, которую способны представить. Это редко помогает против настоящей.

— Знаете о ней больше нас?

— Почти всегда.

Он произнёс это без хвастовства. Простая уверенность человека, привыкшего приезжать туда, где остальные уже перестали верить в безопасность.

— Вы были на «Красной печати»? — спросила Клер.

— Нет.

— Но знаете, что там произошло.

— Теперь знает весь зал. Меррик дорого заплатил не за перстень, а за то, чтобы каждый запомнил, кому он его отдал.

— Зачем?

— Спросите у него. — Марек сделал шаг назад. — И смените частоту передатчика. Вашу слышно даже без оборудования.

Он вернулся к лестнице.

— Он блефовал, — прошептал Оливер.

— Ты уверен?

— Нет. И это меня оскорбляет.

— Клер.

Селеста Коррен подошла сзади. На ней была золотая маска, похожая на языки пламени. Светлые волосы свободно лежали на плечах; сегодня она выглядела не благотворительницей, а женщиной, чья семья когда-то могла приказать закрыть городские ворота.

— Я надеялась, что вы передумаете, — сказала она.

— Поэтому пришли сами?

— Леона опасно оставлять без наблюдения.

— Вы говорите о хозяине бала или о непослушном ребёнке?

— Разница меньше, чем вам кажется.

Селеста посмотрела на Оливера. Он подошёл и представился. Она не протянула руку, ограничившись кивком.

— Вы хорошо подготовились, господин Нокс.

— К балу?

Её взгляд на мгновение коснулся броши Клер.

— К последствиям.

Прежде чем Оливер ответил, к ним присоединился Теодор Верн.

— Леди Коррен, вы скрываете от нас самого обсуждаемого гостя вечера.

Его голос был мягким и бесцветным. Он поцеловал воздух над рукой Селесты, затем повернулся к Клер.

— Теодор Верн. Моя контора несколько раз пыталась пригласить вас на работу, госпожа Даллен.

— Впервые слышу.

— Предложения не дошли до вас. Редакторы считали, что вы плохо переносите ограничения.

— Они были правы.

— Поэтому вы здесь.

Теодор произнёс это как вывод из многолетней истории, а не из короткого знакомства.

— Ваша семья давно живёт в Греймонте? — спросил он.

— Вы владеете наследственным архивом. Вам виднее.

— Именно поэтому и спрашиваю. Иногда человек интереснее своей родословной.

Он не стал ждать ответа. Отошёл, когда Эстер Нолл направилась к ним.

— Не обращайтесь внимания, — сказала она Клер. — Теодор превращает знакомство в перепись населения.

Вблизи её глаза оказались светло-кариими, почти золотыми. Они не совпадали с холодным белым платьем.

— Доктор Нолл, — произнесла Клер. — Я читала отчёты о вашем институте.

— Только негативные, полагаю.

— Других почти нет в открытом доступе.

— Довольные пациенты редко звонят журналистам.

— Иногда им не дают позвонить.

Селеста тихо выдохнула, но Эстер улыбнулась.

— Леон не ошибся. Вы действительно предпочитаете страху нападение.

— Вы обсуждали меня?

— Сегодня вас обсуждают все.

Эстер коснулась пальцем собственной щеки.

— Вы напряжены, почти не спали и всё время проверяете расстояние до выхода.

Если Меррик предложит напиток, откажитесь. Стресс уже ухудшил вашу способность оценивать риск.

— Спасибо за бесплатную консультацию.

— Она была наблюдением, не консультацией.

Эстер ушла к роялю.

— У вас очень приятные друзья, — сказала Клер Селесте.

— Мы не друзья.

— Тогда почему вы все здесь?

Селеста посмотрела поверх её плеча.

— Потому что он позвал.

Ответ изменил уже знакомую сцену. Теодор Верн беседовал с председателем парламентского комитета, но всё время держал лестницу в поле зрения. Эстер Нолл стояла среди врачей и чиновников, не поворачиваясь к ним спиной. Марек Дорн контролировал выходы, однако выбрал место, откуда видел верхнюю площадку.

Они не походили на подчинённых Леона. Каждый обладал деньгами, влиянием и людьми, готовыми исполнять распоряжения. И всё же все четверо ожидали его появления.

Музыка закончилась.

Леон Меррик стоял на верхней площадке парадной лестницы.

Как и на аукционе, он был без маски. Чёрный вечерний костюм делал его лицо ещё светлее. В Корвен-холле он не выглядел богатым наследником, принимающим гостей. Он выглядел единственным человеком, которому принадлежали не только стены, но и все находящиеся между ними решения.

Теодор первым повернулся к лестнице. Эстер замолчала на полуслове. Марек Дорн оттолкнулся от стены.

Никто не поклонился.

И всё же движение прошло по залу, похожее на общий, едва сдержанный поклон.

Леон спустился.

Клер ожидала, что он остановится поговорить с советниками, владельцами корпораций или старыми семьями. Он прошёл мимо них и направился прямо к ней.

— Госпожа Даллен.

— Господин Меррик.

Его взгляд переместился к Оливеру.

— Вы привезли человека, которому доверяете. Приятно видеть, что хотя бы к некоторым советам вы прислушиваетесь.

— Он приехал убедиться, что ваш архив существует.

— И что ты вернёшься, — добавил Оливер.

Леон задержал на нём взгляд. Клер почувствовала, как Оливер напрягся.

— Возвращение госпожи Даллен включено в мои намерения на вечер, — сказал Леон.

— Намерение не гарантия.

— Гарантии переоценивают. Особенно люди, работающие с системами защиты.

— Вы читали моё досье?

— Я читал вашу биографию.

— Она занимает три строки.

— Вы экономны в публичности.

Леон снова повернулся к Клер.

Оркестр начал настраивать инструменты для следующего танца.

— Архив готов, — сказал он.

— Тогда идёмте.

— Вы забыли условие.

— Я надеялась, что сто тысяч крон позволят вам забыть о танце.

— Напротив. После такой суммы я особенно ценю договорённости.

— Это не была договорённость. Вы объявили цену.

— А вы пришли. В моём доме это считается согласием.

Клер услышала в наушнике голос Оливера:

— Не обязана.

Она знала.

Можно было отказаться, потребовать архив, уйти. Леон, скорее всего, не остановил бы её. Но тогда записи Натана остались бы здесь, а «Свидетель» получил бы ещё одну возможность выбрать направление расследования.

Клер посмотрела на руки Леона.

На аукционе он коснулся кожи — страх исчез. В кабинете «Маяка» Селеста сделала то же самое, и облегчение оказалось сильнее. Обе реакции могли быть следствием недосыпа, напряжения, внезапной близости. Могли — по отдельности.

Третий раз станет проверкой.

Она считала удары сердца. Быстро: примерно сто в минуту. Плечи напряжены. Дыхание поверхностное. Страх присутствовал, и Клер запомнила его так же, как запоминала положение предметов на месте преступления.

— Один танец, — сказала она. — После него вы открываете архив без новых условий.

— Без новых условий.

Леон протянул руку.

Клер положила ладонь в его.

Музыка ещё не началась, а сердце уже замедлилось.

Исчезла тяжесть под рёбрами. Ослабли мышцы плеч. Страх растворился с той же невозможной точностью, что на аукционе и в кабинете Селесты.

На этот раз Клер была готова.

И потому больше не могла объяснить случившееся усталостью, влечением или случайностью.

Леон Меррик что-то делал с ней через прикосновение.

Оркестр взял первый аккорд.

Леон положил руку Клер на спину и повёл её в центр зала.

Спокойствие сохранялось, пока их ладони соприкасались. Клер чувствовала, как тело подчиняется ему отдельно от разума: дыхание становилось глубже, шаги — увереннее, напряжение уходило из мышц. Даже неправильная высота потолка больше не тревожила.

Это было приятно.

Именно поэтому она злилась.

— Что вы сделали? — спросила Клер.

— Пригласил вас на танец.

— Не сейчас. На аукционе.

Леон смотрел поверх её плеча, выбирая путь между другими парами.

— Вернул приглашение.

— Вы коснулись моей руки.

— Я стараюсь передавать вещи так, чтобы они не падали.

— После этого я перестала бояться.

Теперь он посмотрел ей в глаза.

— Вы боялись меня?

— Вы знали моё имя, купили перстень пропавшего человека и объявили перед залом, что ждали меня. Было бы странно не бояться.

— Однако вы пришли в мой дом.

— Страх не запрещает действовать.

— Большинство людей думает иначе.

— Большинство людей не получает от вас приглашений за сто тысяч крон.

Они повернули. Подол платья скользнул по чёрному мрамору. Леон двигался без заметного усилия, не глядя под ноги и не проверяя расстояние до соседних пар. Клер несколько лет занималась танцами в школе и потом почти всё забыла. Рядом с ним тело вспоминало слишком быстро.

— Вы коснулись меня сейчас, и произошло то же самое, — сказала она.

— Возможно, вам нравится танцевать.

— Не настолько.

— Тогда вам нравится партнёр.

Клер ожидала самодовольной улыбки. Леон произнёс это серьёзно, будто предлагал поверить ещё одну версию.

Его лицо находилось слишком близко. В спокойствии, которое он навязал, было легко замечать отдельные детали: тёмные ресницы, тонкую линию у рта, светлую радужку. Черты казались знакомыми, хотя до аукциона Клер никогда не видела его вживую.

Леон выглядел именно так, как не следовало выглядеть человеку, которого она пыталась подозревать беспристрастно.

— Влечение не снижает частоту пульса за секунду, — сказала она.

— Вы измеряли?

— Да.

В его глазах появилось веселье.

— Разумеется.

— Вы не ответили.

— Вы пока не задали вопрос, на который я обязан отвечать.

— Каким образом ваше прикосновение влияет на моё состояние?

— Хороший вопрос.

— И?

— Я не обязан на него отвечать.

Клер сильнее сжала его пальцы. Злость ощущалась ясно, хотя страх оставался недоступным.

— Тогда поговорим о Натане.

— Для этого мы и танцуем.

— Он приехал к вам из-за автомобилей «Маяка».

— Из-за записей дорожных камер. Натан обнаружил, что машины фонда регулярно въезжают на территорию Корвен-холла.

— Селеста говорит, вы предоставляете фонду складские помещения.

— Северное крыло бывших конюшен. Медицинские материалы, одежда, оборудование для поисковых групп.

— Вы проверяете, что находится внутри машин?

— Нет.

— Почему?

— Потому что Селеста крайне не любит, когда я пересчитываю её собственность. Последнее слово прозвучало неприятно. Клер вспомнила знак внутри перстня.

— Люди не могут быть собственностью.

— В Вельмории — уже несколько веков.

— Я говорю не о законе.

— Я тоже.

Музыка ускорилась. Леон развернул её, на мгновение отпуская ладонь.

Тревога вернулась коротким толчком — вместе с шумом зала и осознанием, сколько людей наблюдает за ними.

Он снова поймал её руку.

Страх исчез.

Клер едва не сбилась с шага.

Леон заметил.

— Достаточно убедительно? — спросил он.

— Вы признаёте, что делаете это намеренно?

— Я признаю, что вы наблюдательнее большинства.

Клер намеренно ослабила пальцы, оставив между их ладонями только лёгкое касание. Спокойствие не изменилось. Тогда она полностью отпустила его на один такт, будто движение было частью танца.

Тревога вернулась.

Не вся — лишь резкий привкус опасности, которого хватило, чтобы тело снова заметило близость незнакомца и запертые двери. Клер коснулась Леона кончиками пальцев.

Страх снова исчез.

Для воздействия не требовалось давление или долгий контакт. Достаточно было кожи.

Леон позволил провести проверку. Не пытался перехватить её руку раньше и не скрывал результат. Значит, либо не боялся разоблачения, либо был уверен, что Клер всё равно не сумеет объяснить увиденное никому другому.

— Вы проверяете границы, — заметил он.

— Это профессиональная привычка.

— Осторожнее. Иногда граница замечает вас в ответ.

— Это не одно и то же.

— Но тоже правда.

Он ни разу не солгал. Клер начинала понимать, что это не достоинство, а выбранный способ контроля. Ложь можно поймать. Правда Леона была устроена так, чтобы вести по нужному ему пути и не открывать соседних дверей.

— Натан считал, что в автомобилях перевозят пропавших? — спросила она.

— Он рассматривал такую версию.

— Вы её опровергли?

— Я показал ему записи с территории.

— На которых?

— Машины приезжают, разгружаются и уезжают. Ни одного связанного человека,

ни одного тела.

— Но он не прекратил расследование.

— Натан редко прекращал расследования после первого удобного объяснения.

Поэтому вы ему доверяли.

— Вы говорите так, будто хорошо его знали.

— Он задавал качественные вопросы. Это редкое качество.

Клер вспомнила, как Натан готовился к разговорам. Не составлял длинный список — записывал три вопроса на обороте старой квитанции и повторял, что четвёртый должен родиться из ответа. Он мог часами слушать человека, который был уверен, что управляет беседой, а потом одной короткой фразой заставить его исправить собственную ложь.

Если Леон запомнил вопросы Натана, значит, разговор оказался важен для обоих.

— Какой вопрос был лучшим? — спросила она.

— Он спросил, почему я позволяю фонду пользоваться территорией, если ему не доверяю.

— И что вы ответили?

— Что за теми, кому не доверяешь, удобнее наблюдать вблизи.

— Натан поверил?

— Он решил, что я говорю о Селесте. Это не одно и то же.

— А о ком вы говорили?

— О фонде.

Снова формально точный ответ. Клер не понимала, почему имя Селесты и организация в его словах существовали отдельно.

— Вы знаете, где он сейчас?

— Нет.

Ответ прозвучал ровно. Клер ждала оговорки, взгляда в сторону, напряжения в пальцах. Ничего.

Она не могла доказать ложь.

— Он покинул Корвен-холл живым? — спросила она.

— Да.

— Один?

Леон сделал паузу, подстраивая их шаг под новую часть мелодии.

— Без моего сопровождения.

— Это не ответ.

— Вы учитесь.

— С кем он ушёл?

— Увидите в архиве.

Клер хотела задать следующий вопрос, но Леон опередил её.

— «Свидетель» предупреждал не оставаться со мной наедине?

Она не изменила выражения лица. Спокойствие помогло.

— Почему вы так решили?

— Он хочет привести вас ко мне, но одновременно поддерживает страх. Иначе приманка перестанет сопротивляться.

— Вы называете меня приманкой?

— Я называю вас средством, которое кто-то решил использовать.

— А вы не используете?

— Использую. Но не скрываю этого.

— Какая честность.

— Вы её требовали.

Леон склонился чуть ближе. Его голос не изменился, но Клер пришлось сосредоточиться, чтобы не отстраниться.

— Почему вы всё равно пришли? — спросил он. — Получили доказательство, что я воздействую на вас. Услышали предупреждение. Знаете, что вас направляют. Но возвращаетесь.

— Потому что у вас есть запись Натана.

— Это объясняет сегодняшний вечер. Не аукцион.

— Там был его перстень.

— Вы всегда возвращаетесь туда, где однажды обнаружили опасность?

Клер вспомнила тоннели, упомянутые Натаном. Двери на фотографиях. Медальон Агнес. Третий столбец на листе — то, чего она хотела достаточно сильно, чтобы принять за правду.

— Если опасность хранит ответ, — сказала она.

— Даже после того, как узнаете её настоящее лицо?

Вопрос прозвучал слишком лично для разговора о расследовании.

— Тогда особенно важно не отворачиваться.

Леон смотрел на неё несколько секунд.

— Другой человек однажды ответил почти так же.

— И что с ним стало?

— Он вернулся.

— Это не конец истории.

— Нет, — согласился Леон. — Но обычно люди ошибаются именно там, принимая возвращение за доказательство доверия.

Оркестр приблизился к финалу. По краям зала пары замедлились.

В наушнике раздался голос Оливера:

— Клер, посмотри на меня.

Она нашла его возле колонны. Оливер держал телефон у груди, будто проверял сообщение.

— На записи с броши Меррик выглядит иначе, — сказал он. — Волосы каштановые. Лицо шире. Я сначала решил, что искажение объектива, но пропорции не совпадают.

Клер посмотрела на Леона. Вблизи его светло-каштановые волосы касались воротника, лицо казалось узким, с резкой линией скул, а глаза — зелёными даже в приглушённом свете.

— Освещение, — тихо ответила она.

— Я смотрю на него через зал и вижу более светлые волосы, чем ты описывала после аукциона. А камера показывает третью версию.

Они прошли мимо двух пожилых женщин у края танцевальной площадки.

— Тёмный цвет ему идёт больше, — сказала одна, провожая Леона взглядом.

— Тёмный? — переспросила вторая. — Он почти светловолосый.

— При таком освещении все выглядят иначе.

Женщины тут же забыли о несогласии.

Клер — нет.

Музыка закончилась.

Леон отпустил её руку.

Страх вернулся вместе с первым вдохом. Сразу, резко, как боль после окончания обезболивания. Теперь к нему добавилось раздражающее сожаление о потерянном спокойствии.

Клер ненавидела это больше самого воздействия.

На ладони остался запах его рукава — сукно, холодный металл, едва заметный дым свечи.

Клер незаметно вытерла пальцы о край перчатки и разозлилась сильнее: не на него — на то, что рука сама задержалась на такт дольше, чем требовала проверка.

— Наш договор выполнен, — сказала она.

— Ваш — да.

— Не начинайте.

— Я собирался сказать, что выполняю свой.

Рядом появился мужчина в безупречном чёрном костюме. Клер не заметила, откуда он подошёл.

На вид ему было немногим больше сорока. Тёмные волосы тронула седина, лицо оставалось спокойным и строгим. На правой скуле белел короткий шрам. Он держался как военный, научившийся изображать слугу, но не забывший, где находятся выходы и оружие гостей.

— Эдрик Валлен, — представил его Леон. — Управляющий Корвен-холла.

Эдрик слегка поклонился.

— Госпожа Даллен.

— Эдрик проводит вас в западный архив и предоставит записи за вечер исчезновения Натана. Всё, что относится к его визиту, — добавил Леон.

Последняя фраза предназначалась не Клер, а Эдрику. Тот принял её с едва заметным кивком.

— Я иду с ней, — сказал Оливер, подходя.

— Архив открыт для госпожи Даллен, — ответил Леон.

— Условие было только о танце.

— И о том, что в архив она войдёт одна. Я сообщил это на аукционе.

Оливер посмотрел на Клер.

— Связь останется включённой, — сказала она.

— Если пропадёт — возвращаешься.

— Да.

Это была ложь, и Оливер понял. Но спорить при Леоне не стал.

Эдрик повёл Клер из зала.

Они прошли через коридор, отражавшийся в зеркалах с неправильным количеством дверей. Музыка постепенно стихла. За последним поворотом брошь нагрелась, а голос Оливера наполнился помехами.

— Клер... сигнал... назад...

— Ты меня слышишь?

Ответ растворился в треске.

Эдрик не обернулся.

— Толстые стены, — сказал он.

— Вы слышали наушник?

— Вы говорили вслух.

Технически это было правдой.

Коридор спускался, хотя пол оставался ровным. Клер чувствовала изменение по давлению в ушах и по тому, как звук шагов уходил вверх. На стенах висели портреты Мерриков. Мужчины и женщины разных эпох обладали одними и теми же длинными пальцами и спокойными глазами. Ни на одном полотне не было Леона.

— Где портрет хозяина? — спросила она.

— Господин Меррик не любит позировать.

— Его семья владела домом несколько веков. Неужели ни одного?

— Портреты изображают умерших членов семьи.

— Леон суеверен?

— Нет.

Ответ прозвучал с такой уверенностью, будто Эдрик знал Леона дольше, чем позволял их возраст.

— Давно вы здесь служите?

— Достаточно давно.

— Это любимый ответ в Корвен-холле?

— Он избавляет от ненужных чисел.

Клер посмотрела на его руки. Костяшки были покрыты старыми шрамами, слишком многочисленными для управляющего поместьем. На правом запястье вновь показалась тёмная линия. Она не напоминала татуировку: уходила под кожу и словно становилась глубже при движении пальцев.

— Вы были военным?

Эдрик замедлил шаг лишь на долю секунды.

— Когда-то.

— Где служили?

— В армии, которой больше нет.

Вельмория несколько раз меняла устройство вооружённых сил, но ни одна армия не исчезла полностью. Подразделения переименовывали, объединяли, распускали. Формулировка Эдрика звучала так, будто исчезла не организация, а эпоха.

— Леон тоже там служил?

— Нет. Господин Меррик никогда не был солдатом.

— Но вы исполняете его приказы.

— Каждый человек кому-нибудь подчиняется.

— Не каждый выглядит так, будто ищет лазейку в формулировке.

Эдрик впервые позволил себе почти улыбнуться.

— Тогда вы верно выбрали профессию, госпожа Даллен.

Западный архив находился за дверью без ручки. Эдрик приложил ладонь к деревянной панели. Внутри щёлкнул замок.

Клер заметила на его запястье тонкую тёмную линию, но рукав сразу её скрыл.

За дверью оказалась небольшая комната без окон. Старые книги занимали одну стену, современные серверные шкафы — другую. В центре стоял стол с двумя мониторами.

Воздух пах бумагой, холодным металлом и чем-то сухим, похожим на пепел. На корешках книг стояли не годы, а имена. Некоторые повторялись через десятилетия. Клер узнала фамилии гостей бала: Верн, Коррен, Дорн. Имя Нолл появлялось только на новых томах.

Архив хранил не историю дома Мерриков. Он хранил историю людей, которые приходили к его хозяину.

— Записи камер хранятся отдельно от городской сети, — сказал Эдрик. —

Господин Меррик распорядился предоставить вам полный доступ к нужной дате.

— Вы присутствовали, когда Натан приезжал?

— Я находился в доме.

— Видели его?

— Запись ответит точнее моей памяти.

Эдрик включил систему. На экране появился план территории: ворота, двор, северное крыло, парадный вход и служебная дорога.

— Я буду за дверью, — сказал он. — Позовите, если потребуется помощь.

— Дверь останется открытой?

— Если вы этого хотите.

— Хочу.

Эдрик вышел. Дверь замерла в нескольких сантиметрах от стены.

Клер выбрала дату исчезновения Натана.

Двадцать третье октября.

Система показала сорок восемь файлов. Она начала с камеры у главных ворот и перемотала к вечеру.

21:34. Автомобиль с гостями.

21:41. Машина доставки.

21:52. Одинокая фигура под дождём.

Клер остановила запись и увеличила изображение.

Мужчина подошёл к воротам, поднял лицо к камере и показал служебное удостоверение. На его правой руке блеснул серебряный перстень.

Это был Натан Роук.

Глава 5. Машина фонда

Клер перемотала запись назад.

Натан снова появился под дождём, показал удостоверение и поднял лицо к камере. На этот раз она смотрела не на перстень, а на походку, плечи, движения. Он не оглядывался. Не искал помощи. Не выглядел человеком, которого привезли силой.

Ворота открылись в 21:53.

Клер переключилась на следующую камеру.

Натан шёл по подъездной дороге один. У парадной лестницы его встретил Эдрик Валлен. На записи не было звука. Эдрик принял мокрое пальто и провёл гостя внутрь.

Она остановила кадр.

На лице Эдрика не было ни удивления, ни тревоги. Он ожидал посетителя, хотя Леон утверждал, что Натан приехал без приглашения.

Клер посмотрела на приоткрытую дверь архива. Управляющий стоял в коридоре, сложив руки за спиной.

— Господин Валлен.

Он вошёл сразу.

— Чем могу помочь?

— Вы знали, что Натан приедет?

— Господин Роук позвонил от ворот.

— Леон сказал, что он приехал без приглашения.

— Визит без предварительной договорённости не означает, что мы заставляем гостей ждать под дождём.

— Вы всегда так хорошо помните незапланированные визиты?

— Обычно они не заканчиваются исчезновением гостя.

Эдрик посмотрел на экран. Натан застыл у лестницы между двумя кадрами.

— Вы разговаривали с ним?

— Я предложил высушить пальто и принёс кофе.

— О чём он спрашивал?

— Вопросы адресовались господину Меррику.

— А если бы я спросила вас?

— Я ответил бы в пределах того, что мне позволено.

Формулировка напоминала Леона. Клер отметила это и вернулась к записи.

Внутренних камер было немного. Натан появился в главном холле, затем в коридоре второго этажа. Леон ждал возле закрытой библиотеки. Они обменялись несколькими словами и скрылись за дверью.

Следующие семьдесят четыре минуты Натан нигде не появлялся.

Клер проверила каждую камеру дважды. Ни запасного выхода, ни перемещения по дому. Только закрытая дверь библиотеки и пустой коридор.

Она вернулась к моменту, когда мужчины входили. Натан шёл первым. Леон придержал дверь, не касаясь гостя. Перед тем как исчезнуть из кадра, Натан посмотрел не внутрь библиотеки, а на стену справа от неё.

Клер увеличила изображение. Там висела карта северной части владений. На ней были отмечены служебная дорога, старые конюшни и три тоннеля, соединявшие поместье с городскими коммуникациями. Один заканчивался возле района, где дорожные камеры чаще всего фиксировали машины «Маяка».

Натан приехал не обвинять Леона вслепую. Он проверял маршрут.

Клер нашла камеру на северном дворе и просмотрела тот же промежуток времени. Фургоны фонда стояли у конюшен. Волонтёры разгружали коробки с медицинскими знаками. Всё соответствовало объяснению Селесты. Но один автомобиль прибыл пустым и уехал только после полуночи. Его номер камера не различала.

Она добавила файл к списку копирования.

В 23:11 Леон вышел первым. Остановился, посмотрел прямо в объектив и остался ждать.

Через минуту появился Натан.

Он держал папку под мышкой. Перстень был на руке. Лицо сосредоточенное, раздражённое — таким Клер видела его после разговоров, в которых собеседник сообщил правду, но отказался помочь понять её.

Леон что-то сказал. Натан ответил. Они не пожали руки.

На лестнице Натан сам забрал у Эдрика пальто и проверил внутренний карман. Телефон, вероятно. Или записи.

В 23:17 он вышел из дома.

Живой. Не раненый. Один.

Клер переключилась на камеру подъездной дороги.

Натан не направился к воротам пешком. Он остановился под навесом, посмотрел на часы и стал ждать. Спустя три минуты к лестнице подъехал светлый автомобиль.

Даже на чёрно-белой записи эмблема была узнаваема: золотая лампа на двери.

«Маяк».

Клер приблизила кадр.

За рулём сидел мужчина. Камера показывала только нижнюю половину лица и тёмный воротник. На заднем сиденье находился ещё кто-то — светлое пятно лица за мокрым стеклом, недостаточное для опознания.

Клер усилила контраст. Программа собрала несколько соседних кадров: светлые волосы, бледная линия щеки, рука на дверной ручке. Кольца из тёмного металла не было видно. Черты могли принадлежать Селесте — или десяткам женщин её возраста.

На одном кадре пассажир повернулся к камере. Изображение распалось на крупные квадраты именно вокруг глаз, хотя стекло и капли оставались различимыми. Клер проверила исходник. Повреждение находилось и там.

Не монтаж. Камера просто не сумела сохранить лицо.

Она вспомнила Леона на записи с броши: более обычного, не похожего на человека, с которым танцевала. Возможно, дешёвая оптика плохо справлялась с расстоянием и освещением. Возможно, Клер слишком настойчиво пыталась превратить технические недостатки в систему.

Но совпадений становилось больше.

Натан наклонился к открытому окну. Разговор продолжался около десяти секунд. Затем задняя дверь открылась.

Он сел добровольно.

Автомобиль тронулся в 23:21.

Последняя камера зафиксировала его у ворот. Натан смотрел в телефон. Машина повернула на северную дорогу и исчезла за деревьями.

Клер остановила запись.

В комнате гудели серверы.

Если видео было настоящим, Леон говорил правду. Натан покинул Корвен-холл живым и без его сопровождения. След вёл не внутрь поместья, а к женщине, которая два дня назад держала Клер за руку и говорила о жестокости ложной надежды.

— Мне нужна копия, — сказала Клер.

— Господин Меррик разрешил, — ответил Эдрик.

Он положил на стол новый накопитель в запечатанной упаковке.
Слишком подготовленно.

— Он знал, что я найду?

— Вы пришли за записями. Было разумно предположить, что вы захотите их забрать.

Клер скопировала файлы с пяти камер вместе с системными журналами и контрольными подписями. Эдрик не пытался ограничить объём.

Процесс занял девять минут. Каждый файл получал отдельную цифровую подпись и запись о времени выгрузки. Эдрик назвал пароль администратора, когда система запросила подтверждение, затем отвернулся, позволяя Клер самой проверить перечень.

Леон не просто разрешил забрать доказательство. Он сделал всё, чтобы Оливер мог подтверждать его подлинность.

Это не походило на ошибку подозреваемого. Скорее на подготовленное показание человека, уверенного, что улика работает в его пользу даже после проверки.

— Почему вы помогаете? — спросила она.

— Мне приказано предоставить всё, что относится к визиту господина Роука.

— А если я попрошу сведения о машине?

— Автомобиль не принадлежит Корвен-холлу.

— Вы узнали его?

— Я видел эмблему.

— Водителя?

— Нет.

— Человека на заднем сиденье?

— Нет.

Каждый ответ был коротким и точным. Клер подумала о тонкой тёмной линии на его запястье и о том, как буквально он повторил приказ Леона.

— Вы всегда исполняете распоряжения дословно?

Эдрик встретил её взгляд.

— Это самый надёжный способ сохранить свободу действий, госпожа Даллен.

В наушнике снова появился голос Оливера, когда они вернулись к главному коридору.

— Клер? Ответь.

— Я здесь. Запись у меня.

— Ты должна была вернуться, когда пропала связь.

— Знаю.

— И?

— Была занята нарушением обещания.

— Это не смешно.

— Натан сел в машину «Маяка».

Оливер замолчал.

— Ты уверена?

— Эмблема на двери. Водитель и пассажир. Он сел сам.

— Идём отсюда.

Клер нашла Леона в малой гостиной. Бал продолжался, но часть гостей уже покинула поместье. Селеста разговаривала с Теодором Верном у камина. Увидев накопитель в руке Клер, она не прервала беседу. Только чуть повернула голову.

Леон стоял у окна с бокалом воды.

— Нашли то, что искали? — спросил он.

— Натан сел в автомобиль «Маяка».

— Да.

— Почему вы не сказали сразу?

— Вы не поверили бы.

— Зато теперь я должна поверить записи, которую предоставили вы.

— Не должны. Проверьте подписи, монтаж, погоду, положение теней. Попросите господина Нокса разобрать каждый кадр.

Оливер подошёл и взял накопитель.

— Уже собираюсь.

— Вы не боитесь, что он найдёт подделку? — спросила Клер.

— Если найдёт, мне самому будет интересно узнать, кто её создал.

Клер посмотрела на Селесту. Та по-прежнему беседовала с Теодором, но теперь держала бокал слишком неподвижно.

— Почему машины фонда регулярно приезжают сюда?

— Вы уже получили объяснение.

— Склад недостаточен.

— Для Натана тоже был недостаточен.

— Вы ему не доверяли?

— Я не доверяю организациям, которые продают сочувствие людям в самый уязвимый момент.

— Вы финансируете «Маяк».

— Чтобы видеть, как расходуются мои деньги.

— И как?

Леон перевёл взгляд на Селесту.

— Надежда — один из самых прибыльных товаров Греймонта.

Фраза почти повторяла строку из первого письма «Свидетеля»: «надеждой здесь торгуют». Клер запомнила совпадение.

— Вы обвиняете Селесту?

— Я ответил на вопрос о фонде.

— Вы опять выбираете правду, которая ничего не раскрывает.

— Сегодня она раскрыла автомобиль.

Клер приблизилась.

— Человек на заднем сиденье — Селеста?

— По этой записи невозможно установить.

— Но вы можете.

— Могу предполагать.

— И?

— Вы слишком легко принимаете мои предположения за доказательства, когда они совпадают с вашими подозрениями.

Натан сказал бы то же самое.

Клер ненавидела, когда Леон звучал как он.

— Зачем вы позволили скопировать запись?

— Потому что человек, направляющий вас, рассчитывает, что вы её увидите.

— Вы играете по его плану?

— Я позволяю плану продолжаться достаточно долго, чтобы увидеть автора.

— А мне отведена роль приманки.

— Вы уже приняли её до нашего знакомства.

Он сказал это без прикосновения, и Клер была благодарна за ясную злость.

— Пойдём, — произнёс Оливер.

Теперь она не спорила.

Они уехали из Корвен-холла в половине второго. Оливер подключил накопитель к изолированному компьютеру сразу после возвращения в «Нить». Проверка заняла почти час.

Он сравнил контрольные суммы файлов с журналом выгрузки, исследовал пропущенные кадры и изменение уровня шума. Затем нашёл в городской метеосистеме сведения о дожде: направление капель и порывы ветра совпадали с записью Корвен-холла почти поминутно.

Клер тем временем построила маршрут Натана на карте. Дом, управление, последняя вышка телефона, ворота поместья. Между подтверждёнными точками оставались промежутки, но впервые они складывались в последовательность, а не в россыпь предположений.

В 21:52 Натан вошёл в Корвен-холл.

В 23:21 по внутренним часам сел в машину фонда.

После этого исчез.

Если Леон подделал запись, он сделал это настолько тщательно, что встроил в неё реальную погоду, независимые журналы и несколько часов бессмысленных перемещений слуг. Если не подделал, Клер три недели искала не там.

— Системные подписи настоящие, — сказал он. — Последовательность кадров не нарушена. Следов монтажа нет. Если это подделка, её создавали одновременно со всей системой наблюдения.

— Время?

— Вот с ним проблема.

Он вывел рядом запись городской камеры на перекрёстке у северной дороги. Тот же автомобиль «Маяка» проехал там в 23:14.

— Он не мог покинуть Корвен-холл в 23:21 и оказаться за семь минут до этого в четырёх километрах от ворот, — сказала Клер.

— Часы одной из систем сдвинуты. Городская камера синхронизирована с транспортной сетью. Скорее всего, неправильное время у Меррика.

Оливер проверил ещё два автомобиля с записи поместья. Машина депутата выехала по внутренним часам в 00:06, а городская камера зафиксировала её в 23:56. Фургон поставщика появился у ворот в 20:42, хотя платный участок дороги отметил тот же номер в 20:31.

Разница колебалась от десяти до четырнадцати минут.

— Часы действительно спешат, — сказал он. — Но не ровно. Похоже, сервер давно теряет синхронизацию, а не был переведён в один момент.

— Можно установить, когда началось?

— Нужны более старые записи или доступ к журналу времени. Меррик дал системные подписи файлов, но не историю настроек сервера.

— Значит, несовпадение может быть обычной технической ошибкой.

— Может. А может быть очень удобной обычной ошибкой.

Оливер построил на карте доступные точки. После городского перекрёстка машина ещё раз попала на камеру у закрытой трамвайной линии, затем исчезла из сети. Между последними точками находился большой участок северного Греймонта: старые склады, больница, несколько въездов под город и десятки улиц без наблюдения.

— Дальше маршрут придётся восстанавливать по сырым данным операторов и частным камерам, — сказал он. — Это займёт время.

— Начиная с тоннелей.

— Потому что Натан спрашивал о них?

— Потому что Леон сам сообщил, что спрашивал.

Если Меррик направлял её, он делал это тоньше «Свидетеля»: не присылал готовый ответ, а оставлял факт, который Клер неизбежно решит проверить сама.

Телефон Клер подал сигнал нового письма.

— Очень вовремя, — произнёс Оливер.

«Свидетель» прислал два вложения и короткое объяснение.

«Запись настоящая. Время в системе Корвен-холла переведено на четырнадцать минут вперёд, чтобы скрыть маршрут автомобиля.

Машину фонда угнали в тот же вечер. За рулём был Винсент Келл — бывший водитель семьи Меррик. Отчёт об угоне пытались скрыть.

Меррик позволил вам увидеть запись, потому что уверен: вы не сможете доказать подмену времени».

В первом вложении находился полицейский отчёт. Автомобиль с номером М-14-72 якобы исчез из гаража «Маяка» в 20:10. Заявление приняли в 20:34, почти за три часа до отъезда Натана.

Во втором — досье Винсента Келла: тридцать восемь лет, работал водителем и помощником управляющего Корвен-холла, уволен год назад. Фотография была размытой, но линия рта совпадала с человеком за рулём.

К досье прилагались ведомости выплат, копия старого пропуска и дисциплинарный приказ. Келла уволили за несанкционированное использование автомобиля. Документ подписал Эдрик Валлен.

— Очень удобно, — сказал Оливер. — Водитель с подходящей внешностью, конфликтом с поместьем и навыком обходить внутренний контроль.

— Удобно не значит ложно.

— Но значит, что отправитель знает, какую историю мы готовы принять.

Клер увеличила подпись Эдрика. Она выглядела настоящей, но копия была слишком плохой для сравнения. Винсент Келл существовал: налоговые записи, прежний адрес, штрафы за превышение скорости. После увольнения из Корвен-холла цифровой след обрывался.

Не исчезновение. Люди часто меняли работу, страну, привычки. Но рядом с Натаном даже обычная пустота начинала выглядеть намеренной.

Вместе документы складывались в законченную версию.

Люди Леона украли автомобиль «Маяка». Бывший сотрудник забрал Натана от ворот. Время на камерах изменили, чтобы скрыть маршрут. Леон показал запись, заранее зная, что она направит подозрение на фонд.

Слишком законченную.

Оливер открыл технические свойства полицейского файла.

— Что? — спросила Клер.

Он не ответил. Проверил цифровую подпись, затем номер регистрации. Сравнил его с двумя отчётами, составленными в тот же день.

— В документе сказано, что заявление зарегистрировали двадцать третьего октября в 20:34, — произнёс он.

— Да.

Оливер развернул экран к ней.

В служебных данных стояла другая дата создания.

Двадцать шестое октября. 03:12.

Через три дня после исчезновения Натана.

— Это ещё не доказательство, — сказал Оливер.

Клер смотрела на дату создания файла.

— Отчёт появился после исчезновения Натана.

— Эта копия появилась после исчезновения. Полицейская система могла сформировать её при поздней выгрузке. Дата внутри документа и дата самого файла — разные вещи.

— Ты умеешь испортить хороший вывод.

— За это ты мне не платишь.

— Я вообще тебе почти не плачу.

— Тогда считай профессиональным призванием.

Оливер открыл внутреннюю структуру отчёта. Документ состоял не из отсканированных страниц, а из полей, собранных полицейской программой: время происшествия, имя заявителя, номер автомобиля, принявший сотрудник. Каждое поле имело собственный идентификатор.

— Форма создана в новой версии системы, — сказал он. — Вот обозначение шаблона: 4.8. Нужно узнать, когда его ввели.

— Можешь?

— По открытым данным — нет. Управление не публикует историю обновлений. Но человек с доступом увидит журнал.

Клер знала, к кому он ведёт.

Телефон Виктора Лорна лежал перед ней. Последнее сообщение — «Без изменений. Не звони сюда». Он перестал отвечать на прямые вопросы уже через неделю после исчезновения Натана. Когда Клер приходила в управление, Виктор находил причину не спускаться.

Не из равнодушия. Из страха, которому пока не дал названия.

— Он может быть частью этого, — сказал Оливер.

— Может.

— И ты собираешься показать ему поддельный полицейский документ.

— Только часть.

Клер сфотографировала перстень Натана рядом с сегодняшней газетой. Свежую метку внутри не показывала. Отправила снимок Виктору и написала: «Он у меня. Если хотите узнать откуда — приезжайте в “Нить”. Один».

Ответ пришёл через две минуты.

«Спрячь кольцо. Буду через час».

Виктор приехал через тридцать семь минут.

Он поднялся по лестнице, не включая свет, и дважды посмотрел на улицу перед тем, как войти. В пятьдесят один год Виктор Лорн выглядел старше Натана, хотя был младше на три года. Короткие седые волосы, глубокие складки у рта, тяжёлые плечи человека, который слишком долго носил бронежилет даже после конца смены.

Он запер дверь «Нити» собственным ключом для наручников, проверил окна и только потом снял мокрое пальто.

— Где кольцо?

Клер положила на стол прозрачный контейнер.

Виктор не сел. Несколько секунд смотрел на сокола с опущенным крылом, затем взял контейнер обеими руками.

— Это его.

— Мы подтвердили.

Виктор повернул контейнер к свету. Его большой палец остановился напротив свежего знака, хотя пластик не позволял коснуться металла.

— Этого раньше не было.

— Вы уверены?

— Натан крутил кольцо, когда злился. На допросах, на совещаниях, за рулём. Я двадцать лет смотрел на его руки чаще, чем на лицо.

— Что напоминает метка?

— Ничего полицейского. Вещественные доказательства маркируют биркой или специальным составом. Никто не портит сам предмет.

Клер рассказала о тёмном налёте, исчезнувшем между двумя кадрами. Не упомянула прикосновения Леона и Селесты. Пока даже для неё эти события не складывались в объяснение, которое можно произнести вслух и не услышать в ответ предложение отдохнуть.

Виктор выслушал без насмешки.

— Я не знаю, что было в линиях, — сказал он. — Но если перстень поместили после похищения, это сделали не для продажи. Аукционному дому достаточно номера лота.

— Значит, метка относилась к Натану.

— Или к тому месту, где он находится.

Он произнёс «находится», не «находился». Клер заметила, но не позволила надежде превратить выбор времени в доказательство.

— Где нашли?

— На закрытом аукционе «Красная печать». Лот выставили вместе с часами и запонками. Леон Меррик выкупил его и передал мне.

Виктор медленно поднял глаза.

— Меррик отдал тебе вещь пропавшего полицейского?

— Публично.

— И ты после этого ещё здесь?

— Он пригласил меня в Корвен-холл. На записи Натан уехал оттуда в автомобиле «Маяка».

Клер показала кадры: Натан у ворот, машина, лицо водителя. Виктор изучал их молча. На изображении фонда задержался дольше.

— Откуда записи?

— Меррик предоставил.

— Добровольно?

— Да.

— Тогда они показывают именно то, что он хочет.

— Оливер не нашёл монтажа.

— Подделать можно не только видео. Можно выбрать правильную камеру, убрать одну минуту, поставить нужную машину за поворотом.

— Натан сел сам.

— Люди добровольно садятся в машины тех, кому верят.

Виктор говорил резко, но не отрицал запись. Он боялся её достаточно, чтобы сразу искать уязвимость.

Клер достала отчёт об угоне.

— Это прислал анонимный источник. По документу автомобиль украли люди Меррика, а за рулём был его бывший сотрудник.

— Кто источник?

— Подписывается «Свидетель».

— Ты встречалась с ним?

— Нет.

— Разговаривала?

— Только письма.

— Значит, у тебя не источник. У тебя человек, который выбирает, что ты увидишь.

Те же слова Натан когда-то использовал о направлении, которое продают вместо правды.

Клер почувствовала раздражение — прежде всего на себя.

Она несколько дней понимала это разумом, но продолжала воспринимать каждое письмо как помощь. Потому что «Свидетель» назвал Натана живым. Потому что дал фотографии. Потому что надежда действительно оказалась товаром, и Клер уже заплатила доверием.

— Поэтому вы здесь, — сказала она. — Проверьте отчёт.

Виктор прочёл его дважды.

— Номер похож на настоящий. Фамилия дежурного тоже. Но я не помню такого угона.

— Вы не обязаны помнить каждое заявление.

— Машина крупнейшего фонда города исчезла в ночь пропажи моего напарника. Об этом должен был узнать отдел.

— Если кто-то не хотел, чтобы узнали?

Виктор посмотрел на дверь.

— Дайте служебный компьютер.

— У нас нет служебного компьютера полиции, — сказал Оливер.

— Тогда чистый.

Оливер поставил перед ним ноутбук без рабочих файлов и подключил отдельный канал. Виктор вставил личную карту доступа, ввёл пароль и дождался защищённого соединения с управлением.

— Никаких копий экрана, — предупредил он.

— Уже обидно, — сказал Оливер.

Виктор открыл реестр происшествий. По номеру из документа ничего не нашлось. Затем ввёл номер автомобиля.

Система показала отчёт об угоне с теми же данными.

— Значит, настоящий? — спросила Клер.

— Подождите.

Виктор запросил историю изменений. Обычному сотруднику она была недоступна, но его стаж и должность позволяли видеть журналы по делам бывшего напарника.

На экране появилась таблица.

Первая запись: двадцать шестое октября, 03:12. Создание карточки.

Вторая: 03:14. Поле «дата обращения» изменено на двадцать третье октября, 20:34.

Третья: 03:17. Отчёту вручную присвоен номер из резервного блока.

Четвёртая: 03:21. Карточка исключена из ежедневной сводки.

— Его зарегистрировали задним числом, — сказал Виктор.

— Кто?

Он открыл сведения об операторе. В журнале стояло имя дежурного сержанта, указанного в отчёте.

— Не он. Двадцать шестого Холт лежал в больнице после операции. Его карта доступа была заблокирована.

— Тогда как вошли?

— Системная учётная запись архива. Её используют для переноса старых документов. Доступ есть у администраторов и руководства.

— С какого устройства вошли? — спросил Оливер.

Виктор открыл технический раздел. Запрос пришёл с терминала в подвальном хранилище управления. Камеры в помещении в ту ночь не работали из-за плановой проверки. Журнал проходов показывал только дежурного архивиста, но его личный ключ не открывал комнату с терминалом.

— Слишком много совпадений, — сказала Клер.

— Это не совпадения, — ответил Виктор. — Кто-то заранее выбрал место без камер, использовал общую учётную запись и чужое имя. Отчёт создавали не в спешке.

— Можно узнать, кто находился в управлении?

— Могут запросить полный журнал. И человек, который это устроил, увидит

запрос раньше, чем я получу ответ.

Виктор закрыл раздел, не сохраняя страницу.

— Пока они не знают, что мы нашли запись. Пусть так и остаётся.

В слове «мы» впервые появилось настоящее согласие помогать.

Оливер наклонился к экрану.

— Версия формы 4.8?

Виктор открыл сведения об обновлении.

Шаблон ввели двадцать пятого октября в полночь.

За сутки до того, как отчёт якобы был заполнен.

— Эту форму физически не могли создать двадцать третьего, — сказал Оливер.

Виктор закрыл журнал и вынул карту.

— Кто-то внутри управления внёс ложное заявление после исчезновения Натана.

Потом спрятал его так, чтобы найти можно было только по номеру машины.

— И передал копию «Свидетелю», — сказала Клер.

— Или ваш «Свидетель» её создал.

В комнате стало тихо.

Дождь снова бил по окнам. На карте стены нити сходились к фотографии Натана, но теперь одна из них вела не к Леону, а обратно — к руке, которая её протянула.

— Натан подозревал управление? — спросила Клер.

Виктор сел впервые за весь разговор.

— Последние полгода.

— Почему вы не сказали?

— Потому что у него не было доказательств. И потому что к концу он видел систему в каждом закрытом деле.

— Возможно, система была.

— Возможно.

Слово далось ему тяжело.

Виктор провёл ладонью по лицу.

— Началось с тел. Люди исчезали на месяцы, иногда на годы. Потом их находили в заброшенных домах, у дорог, в больничных дворах. Следы длительных истязаний, истощение, повреждения, которые должны были убить раньше. Но экспертиза указывала одно время смерти — несколько часов до обнаружения.

— Они всё это время были живы.

— Так считал Натан. Места содержания никто не находил. Свидетели путались.

Камеры теряли маршрут на одних и тех же участках города.

Первым делом была женщина, исчезнувшая на девять месяцев. Её нашли в подвале дома, куда рабочие заходили каждую неделю. На теле оставались зажившие повреждения разной давности, но в желудке не было пищи, а степень обезвоживания указывала всего на два дня. Эксперты спорили, как она могла прожить столько времени. Потом отчёт сократили до причины смерти и закрыли.

Через год появился мужчина с почти такой же историей. Затем ещё двое.

— Натан составил таблицу, — продолжил Виктор. — Не только даты и раны. Он записывал, чего люди боялись до исчезновения, с кем поссорились, что потеряли, на что надеялись. Я спросил, зачем превращать уголовное дело в психологический опрос.

Клер вспомнила анкеты «Маяка».

— Эмоциональный профиль.

— Да. Он называл это именно так.

— Откуда брал сведения?

— Из разговоров с семьями. Иногда из документов фонда. Натан заметил, что характер повреждений будто соответствовал тому, чего человек боялся. Боявшуюся огня женщину держали рядом с постоянным источником жара. Мужчину с клаустрофобией — в месте, где он не мог выпрямиться.

— Кто-то подбирал пытки заранее.

— Так звучала его версия. Я сказал, что он придаёт смысл жестокости, у которой его может не быть.

Виктор замолчал. На его лице появилось выражение человека, много раз возвращавшегося к одной беседе и каждый раз выбирающего другой ответ слишком поздно.

— После третьего тела исчезли материалы первой экспертизы, — сказал он. — Не потерялись. В системе осталась отметка о передаче в архив, но коробка была пустой. Подпись поставил сотрудник, умерший за месяц до этого. Натан тогда впервые сказал, что кто-то внутри управления чистит дела.

— И вы не поверили.

— Я поверил, что документы украли. Не поверил, что за всеми исчезновениями стоит одна система. Это казалось слишком большим, чтобы никто не заговорил.

— Люди говорят. Нужно только сделать так, чтобы каждый выглядел безумным отдельно.

Виктор посмотрел на неё с усталым уважением.

— Это тоже говорил Натан.

— Северный Греймонт?

— Не только. Но там чаще.

Виктор посмотрел на список имён из посылки.

— Он связывал дела через родственников. Почти каждой семье кто-то предлагал помощь: фонд, частный врач, нотариус, охранная компания. Разные организации, одни и те же люди на благотворительных советах.

Клер вспомнила бал. Селеста Коррен, Эстер Нолл, Теодор Верн, Марек Дорн. Четверо влиятельных людей, ожидавших Леона на лестнице.

— Почему вы решили, что Натан одержим?

— Потому что он перестал приносить факты. Приносил карты с дорогами, которых нет. Фотографии дверей в глухих стенах. Рассказ женщины, утверждавшей, что видела, как человека увели в тоннель и не вывели обратно.

— Что стало с женщиной?

— Её признали неспособной давать показания. Отправили в институт Нолл.

Клер почувствовала холод, не связанный с погодой.

— Имя?

— Не помню. Дело было много лет назад. Натан забрал копии домой.

— И вы позволили ему продолжать одному.

Виктор посмотрел на неё.

— Я сказал, что, если он ещё раз принесёт мне рисунок несуществующей двери вместо улики, отправлю его в отпуск. Через неделю он перестал рассказывать, что нашёл. Через месяц исчез.

В его голосе не было попытки оправдаться.

— Теперь кто-то исправляет документы внутри управления, — продолжил он. — Поэтому всё, что я смогу сделать, будет неофициально. Не звоните мне на работу.

Не отправляйте файлы. Если я скажу остановиться, вы хотя бы выслушаете причину.

— Вы хотите, чтобы я обещала остановиться?

— Я слишком хорошо вас знаю.

Оливер поднял руку, не отрываясь от монитора.

— Пока вы оба заключаете бесполезные договоры, я нашёл машину.

Он работал с муниципальными журналами проезда. Автомобили «Маяка» имели статус экстренной благотворительной службы и были оборудованы транспондерами для закрытых полос. Каждый дорожный маяк фиксировал обезличенный код устройства.

Оливер сопоставил код машины М-14-72 с городскими записями.

— Код нельзя просто придумать? — спросил Виктор.

— Он меняется при каждом маяке по зашифрованной последовательности, — ответил Оливер. — Можно снять устройство с одной машины и поставить на другую, но подделать все ответы задним числом почти невозможно.

— Значит, мы прослеживаем транспондер, не автомобиль.

— Поэтому я сравнил данные с камерами. Вот перекрёсток: номер совпадает. Вот больница: видна золотая эмблема и повреждение на заднем бампере. На трамвайной линии камера слишком далеко, но время соответствует.

Клер увеличила последний ясный кадр. На мокром стекле задней двери оставалось светлое пятно лица. Натан сидел внутри рядом с пассажиром, который встретил его у Корвен-холла.

В 23:19 он ещё был в машине.

Впервые после исчезновения Клер получила не обещание анонимного человека и не предположение. Натан существовал на конкретном отрезке дороги в конкретную минуту.

Это не доказывало, что он жив сейчас. Но сокращало тёмное пространство между последним звонком и неизвестностью.

23:14 — перекрёсток северной дороги.

23:19 — больница Святой Ирмы.

23:27 — старая трамвайная линия.

23:32 — служебный въезд номер шесть.

— Какой служебный въезд? — спросила Клер.

— В реестре нет названия. Маяк числится отключённым восемь лет, но продолжает передавать данные в резервную систему.

На карте появилась линия. Она уходила от трамвайных путей, пересекала квартал складов и обрывалась у северного склона.

Оливер увеличил изображение.

— Здесь нет дороги, — сказал Виктор.

— В современных данных нет, — ответил Оливер. — Но навигационный архив прокладывает маршрут дальше. Смотрите.

Серая линия прошла сквозь склад, под жилыми домами и продолжилась там, где карта показывала сплошной каменный склон.

Клер вспомнила вопрос Натана, переданный Леоном: автомобили, пожертвования и тоннели под северной частью города.

До этого момента она относилась к «Свидетелю» как к опасному союзнику — человеку, который скрывается, но помогает найти Натана. Поддельный отчёт изменил определение.

«Свидетель» не спасал расследование.

Он выбирал подозреваемых, порядок улик и момент, когда Клер должна их получить.

— Где заканчивается маршрут? — спросила она.

Оливер наложил координаты последнего сигнала на официальный план Греймонта.

Точка находилась под городом.

Машина «Маяка» продолжила путь по дороге, которой не существовало.

Глава 6. Дорога под городом

К рассвету они нашли три версии одной улицы.

На современном плане северный склон представлял собой сплошной участок камня под жилыми кварталами. Карта двадцатилетней давности показывала короткий служебный проезд, заканчивавшийся у складов. На плане, составленном перед последней перестройкой района, линия уходила под землю и соединялась с сетью старых тоннелей.

Оливер наложил изображения друг на друга.

— Здесь, — сказал он.

Три карты совпали по реке, трамвайным путям и фундаменту больницы Святой Ирмы. Только дорога менялась. На старейшем слое она была обозначена как Северный санитарный проезд. На следующем — как технический тоннель С-6. На современном её не существовало.

— Служебный въезд номер шесть, — произнесла Клер.

— Транспондер машины последний раз отмечился возле него.

Виктор ушёл час назад, унеся только номер поддельного отчёта. Перстень остался в «Нити», запёртый в металлическом сейфе Оливера. За окнами светлел Греймонт, первые трамваи дрожали на мокрых рельсах. Ни Клер, ни Оливер не спали больше суток.

Усталость делала решение простым.

— Едем, — сказала она.

— Нет.

— Мы знаем точку входа.

— Мы знаем точку, где старый дорожный маяк зафиксировал транспондер. Это может быть склад, гараж или место, куда устройство привезли отдельно.

— Проверим.

— После сна. Днём. Вместе с Виктором.

— Если человек внутри управления увидит его запрос, тоннель очистят раньше.

— Тогда без Виктора. Но не сейчас.

Оливер увеличил схему. В конце проезда стоял красный знак аварийного закрытия.

— Тоннель официально засыпан семьдесят два года назад после обвала. Здесь должно быть несколько сотен тонн камня и бетона. Мы не войдём без оборудования.

— Машина вошла.

— Транспондер вошёл.

— Ты сам доказал, что на трёх камерах это была та же машина.

— Я доказал, что до старой трамвайной линии номер, эмблема и устройство совпадали. Последний маяк не снимает изображение.

Клер посмотрела на серую линию под городом.

— Натан спрашивал Леона о тоннелях. После его исчезновения кто-то создал отчёт, который должен был убедить нас не смотреть на «Маяк». Если мы подождём, следующая улика снова появится тогда, когда «Свидетель» решит её дать.

Оливер откинулся на спинку кресла.

— Именно поэтому нельзя идти сразу. Нас ведут. Разумный человек в такой ситуации останавливается и проверяет, нет ли впереди края крыши.

— Разумный человек не открыл бы «Нить» после увольнения.

— Наконец-то честная оценка нашего делового решения.

Он снял очки и закрыл лицо ладонями.

— В полдень поедем в городской архив. Найдём отчёт об обвале, схему вентиляции

и владельца территории. Потом поспим хотя бы несколько часов. В тоннель — завтра утром.

Клер хотела спорить. Вместо этого посмотрела на Оливера внимательнее: красные глаза, дрожащие от кофе пальцы, небритое лицо. Если они поедут сейчас, она возьмёт с собой человека, который уже перестал замечать собственную усталость, потому что пытался удержать её от ошибок.

— В полдень, — согласилась она.

— Ты произнесла это слишком легко.

— У меня больше нет сил быть сложной.

— Вот это точно ложь.

Оливер забрал её телефон, установил пакет старых карт для работы без сети и проверил заряд. На экране на мгновение появился значок постоянного доступа к местоположению.

— Что это?

— Индексация маршрута. В тоннеле связь может пропасть, поэтому координаты будут сохраняться локально.

Он вернул телефон прежде, чем Клер открыла настройки.

В тот момент она подумала только, что Оливер снова превратил обычную карту в задачу, для которой требовались три разрешения и резервный сервер.

В полдень они спустились в муниципальный архив Греймонта.

Он находился под бывшим зданием суда и пах мокрым картоном. Современные планы хранились в цифровой системе, старые — в плоских шкафах, каждый ящик шириной со стол. Сотрудница выдала им перчатки и предупредила, что фотографировать документы до 1910 года можно только без вспышки.

Северный санитарный проезд построили во время эпидемии почти столетие назад. По нему перевозили больных и тела, чтобы не проводить закрытые автомобили через жилые улицы. Позже тоннель подключили к больнице Святой Ирмы и складам медицинского управления.

В отчёте об обвале говорилось, что ночью просела часть свода. Погибших не было. Рабочих внутрь не пустили: инженер признал конструкцию не подлежащей восстановлению, оба входа залили бетоном.

— Оба, — повторила Клер.

Оливер развернул схему.

На ней было три выхода.

Главный — у трамвайной линии. Служебный — возле больницы. Третий обозначался узким коридором к северному склону и заканчивался знаком двойной двери. Именно там пропал транспондер машины.

— Может быть, этот не считали входом, — сказал Оливер.

— Через него проходит дорога шириной четыре метра.

— Тогда автор отчёта плохо считал.

Документ подписал инженер, чьё имя не встречалось ни в реестре специалистов, ни в городских справочниках. Компания-подрядчик закрылась через четыре дня после получения оплаты. Счёт за бетон соответствовал объёму, которого хватило бы только на один вход.

Они нашли фотографию работ. На ней грузовик выгружал щебень у главного тоннеля. Служебный въезд номер шесть в кадр не попал.

На обороте кто-то карандашом написал: «Северную дверь не открывать».

Без объяснения.

Клер сфотографировала надпись.

— Теперь ты признаёшь, что вход существует? — спросила она.

— Я признаю, что существовал, когда этот план был составлен.

- И что его могли не залить.
- Могли.
- И что машина могла туда проехать.
- Если дверь шире, чем выглядит на схеме.
- Значит, едем.

Оливер посмотрел на часы.

- После сна.

Они вернулись в «Нить» около трёх. Оливер составил список оборудования: два фонаря, запасные батареи, респираторы, верёвка, аптечка, датчик газа, вода, камера, лом. Виктор должен был встретить их утром неподалёку от трамвайного депо.

Клер читала список и понимала, что утром возле тоннеля окажутся все трое.

Если «Свидетель» следил за фондом, а кто-то внутри полиции — за Виктором, их появление невозможно будет скрыть. Если тоннель действительно использовали для перевозки людей, владельцы узнают о проверке раньше, чем они войдут.

И если все трое исчезнут, список имён останется висеть на стене пустого агентства.

Натан пошёл в Корвен-холл один по той же причине. Клер всегда считала это его ошибкой.

Теперь причина казалась не менее ошибочной — и всё равно убедительной.

- Я посплю дома, — сказала она.

Оливер поднял голову от сумки с оборудованием.

- Я отвезу.
- Ты заснёшь за рулём.
- Возьмём такси.
- Мне нужно четыре часа без твоих предупреждений.
- Таких услуг такси не оказывает.

Клер надела пальто.

- В девять здесь.
- Восемь тридцать.
- Восемь сорок пять.
- Договорились.

Оливер дождался, пока она сядет в машину, и отправил водителю адрес. Клер помахала ему через стекло. Такси проехало два квартала.

- Остановите у аптеки, — сказала она.

Водитель высадил её возле круглосуточной витрины. Клер подождала, пока автомобиль скроется за поворотом, и вызвала другой.

Она не поехала домой.

Сначала вернулась к зданию городского архива, где оставила в ячейке рюкзак с фонарём, камерой, респиратором и ломом, купленными по дороге утром. Оливер составлял списки, когда боялся. Клер готовилась раньше, чем соглашалась ждать.

Она написала ему сообщение: «Сплю. Телефон выключаю». Поставила отправку на шестьдесят тридцать, чтобы он не удивился молчанию, и отключила звук.

Это было нечестно. Она знала.

Но обещание прийти утром не включало обещания не проверять дорогу вечером. Леон оценил бы формулировку. От этой мысли Клер стало противно.

К северному району она приехала после пяти.

Дождь закончился. Низкие облака удерживали над городом ранние сумерки. Бывшая трамвайная линия заросла травой, рельсы исчезали под асфальтом и снова выходили возле пустых складов. Жилые кварталы находились всего в десяти минутах ходьбы, но здесь не было прохожих.

Служебный проезд начинался за металлическим ограждением. На воротах висела табличка городского управления: «АВАРИЙНАЯ ЗОНА. ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН».

Цепь выглядела старой. Замок — новым.

Клер сфотографировала его. На металле не было ржавчины, в скважине блестело масло. Кто-то регулярно открывал ворота.

В ограждении справа обнаружился разрыв, прикрытый листом пластика. Клер протиснулась внутрь, зацепив рукав за проволоку.

За воротами асфальт уходил вниз. В лужах стояла маслянистая плёнка. По грязи тянулись две пары автомобильных следов: старые, почти размытые, и свежие. Ширина совпадала с колеёй машины «Маяка».

Она положила рядом линейку, сделала снимок протектора и записала время.

17:26.

Телефон показывал полный заряд и устойчивую сеть.

Дальше дорога проходила между двумя складами. Окна были заложены кирпичом, но у одной двери лежали окурки и свежая бумажная чашка. Клер коснулась её через перчатку. На дне оставался холодный кофе.

Кто-то был здесь сегодня.

Она выключила звук камеры.

В конце проезда склон был укреплен бетонной стеной. Плющ закрывал её почти целиком. Клер нашла старую металлическую табличку с цифрой шесть и небольшую коробку дорожного маяка. Индикатор мигал зелёным раз в десять секунд.

Отключённое устройство продолжало работать.

Под плющом темнела арка тоннеля.

Главный вход заложили блоками только наполовину. Нижний ряд разобрали, образовав проём высотой около двух метров. Автомобиль через него не прошёл бы. Но свежие следы шин вели не к арке. Они поворачивали вдоль стены и исчезали за складом.

Клер пошла за ними.

Там находился спуск — широкий, пологий, скрытый от дороги зданием. На современных картах его место занимал фундамент склада. В действительности между стеной и склоном оставался проезд.

Стальные ворота внизу были открыты.

Одна створка ушла внутрь, вторая застыла под углом. На бетоне виднелись свежие чёрные полосы от шин. Над воротами сохранились слова: «СЕВЕРНЫЙ САНИТАРНЫЙ ТОННЕЛЬ. ПОСТ 6».

Клер надела респиратор, включила фонарь и запустила запись на телефоне.

— Семнадцать часов сорок одна минута, — сказала она в камеру. — Северный вход технического тоннеля С-6. Официально закрыт после обвала. Ворота открыты, имеются свежие следы транспорта.

Её голос прозвучал увереннее, чем она себя чувствовала.

За воротами пахло сыростью и старым железом. Датчик газа показал безопасный уровень кислорода, отсутствие метана и слабое превышение углекислого газа. Клер подождала минуту. Показатели не изменились.

Она вошла.

Первые двадцать метров тоннель выглядел обычным. Бетонный свод, водоотводы вдоль стен, ржавые крепления для кабелей. Под ногами хрустело стекло. На стенах были граффити, большинство старые, но одна белая стрелка казалась свежей.

Она указывала вглубь.

Следы шин продолжались. В одном месте колёса прошли по луже и оставили чёткий рисунок протектора. Клер сфотографировала его.

На тридцать втором метре она нашла медицинский браслет.

Пластиковая полоска лежала возле водостока, наполовину скрытая грязью. Клер подняла её пинцетом. Надпись стёрлась, но под фонарём проявились несколько символов: «НОЛЛ / ОТД. С».

Ниже — номер пациента 4417 и дата трёхнедельной давности.

Имя было срезано вместе с частью застёжки.

Клер поместила браслет в пакет.

Доктор Эстер Нолл говорила о пациентах как о людях, которые редко звонят журналистам. Один из них оказался в тоннеле, которым пользовалась машина фонда и который интересовал Натана перед исчезновением.

Связь могла быть случайной.

Клер больше не верила в такое количество случайностей.

Она продолжила путь.

На пятидесятом метре пропал шум города.

До этого сквозь вход доносились редкие автомобили и грохот поезда на соседней линии. Теперь за спиной была полная тишина. Клер обернулась. Ворота всё ещё виднелись светлым прямоугольником, но казались дальше, чем должны.

Она проверила расстояние по телефону.

Пятьдесят четыре метра.

Визуально — не меньше ста.

Клер направила лазерный дальномер на створку. Красная точка потерялась в темноте. Прибор показал ошибку.

— Вероятно, мешает влажность, — сказала она на запись.

Объяснение прозвучало жалко даже для неё самой.

Сеть на телефоне исчезла. Время оставалось правильным: 17:58. Навигация показывала, что Клер стоит внутри северного склона. Значок местоположения мигал, но не двигался.

Фонарь стал тусклее.

Она заменила батарею. Свет на секунду вернулся к прежней яркости, затем снова сжался в короткий бледный круг. За его пределами темнота выглядела плотной, будто луч не рассеивался, а поглощался.

Клер остановилась.

Вернуться было разумно. Она нашла работающий вход, следы машины и браслет института. Этого хватало, чтобы утром привести Оливера и Виктора подготовленными.

Она развернулась.

Светлого прямоугольника ворот не было.

Тоннель уходил назад в темноту, ровный и пустой.

Клер сделала несколько шагов. На стене появилась белая стрелка, которую она уже проходила. Она была направлена не вглубь, а к ней.

Клер коснулась краски. Сухая.

Она снова посмотрела на телефон.

17:59.

Прошла одна минута.

— Я меняю направление, — произнесла Клер для записи. — Возвращаюсь ко входу.

Через семьдесят шагов она нашла медицинский браслет.

Точнее, место, где он лежал. В грязи сохранился светлый след от пластика и отпечаток её колена.

Она вернулась к той же точке, хотя всё время шла к выходу.

Паника поднялась быстро. Не та гладкая тревога, которую Леон умел убрать прикосновением, а древнее желание бежать, не выбирая направление. Клер прижалась ладонью к стене и заставила себя дышать медленно.

Факт: она потеряла ориентацию.

Предположение: тоннель замыкается или имеет незаметный поворот.

То, чего она хотела: чтобы причиной была усталость.

Метод Натана не успокаивал. Но возвращал способность думать.

Клер включила на телефоне компас. Стрелка вращалась. Достала мел и провела линию на стене. Затем пошла в сторону, куда прежде двигалась машина, отмечая каждый десятый шаг.

Метки не повторялись.

На сто четырнадцать метре по старой схеме тоннель должен был закончиться обвалом. Клер отсчитала сто двадцать шагов. Стена не появилась.

Бетон вокруг постепенно менялся. Швы между блоками становились уже, поверхность — темнее. Водостоки исчезли. Свод поднялся так высоко, что фонарь больше не достигал потолка.

Следы шин оставались единственной знакомой вещью.

Они привели к двери.

Двойная металлическая створка занимала всю ширину тоннеля. На ней не было ржавчины, ручек или замка. Только три глубокие линии, сходящиеся в одной точке.

Та же метка, что внутри перстня Натана.

Клер приблизила фонарь.

Края разрезов выглядели не продавленными, а раздвинутыми изнутри. В глубине темнел налёт. Она не стала касаться.

По плану за дверью находилась сплошная порода северного склона. Ни помещения, ни второго участка тоннеля. Даже если старые инженеры ошиблись, впереди оставалось не больше нескольких метров до фундамента жилого дома.

Следы колёс проходили под створкой.

Клер нашла узкую щель у правого края. Потянула. Дверь сдвинулась без звука, хотя весила, должно быть, несколько тонн.

За ней продолжался тоннель.

Тот же тёмный камень. Те же следы шин. Вдалеке горел тусклый красный свет.

Клер поставила лом поперёк проёма, чтобы дверь не закрылась, и сделала фотографию. На экране вместо прохода появилась серая рябь. Она попробовала ещё раз.

Телефон сохранил чёрный кадр.

— Дверь открыта, — сказала Клер на видео. — За ней существует продолжение, которого нет на плане.

Собственный голос едва был слышен, словно микрофон находился далеко.

Она могла остановиться у порога.

Могла оставить камеру, вернуться по следам и утром показать всё остальным. Но вход уже исчезал за спиной один раз. Дверь могла закрыться. Человек с браслетом Нолл мог находиться впереди. Натан мог пройти здесь три недели назад.

Клер привязала конец тонкой верёвки к петле на стене. Второй закрепила на ремне.

Проверила респиратор, фонарь и телефон.

Шагнула через порог.

Ничего не произошло.

Ни вспышки, ни удара, ни ощущения падения. Только воздух стал холоднее.

Клер прошла пять шагов и обернулась.

Дверь оставалась открытой. За ней виднелся тоннель, из которого она пришла. Лом лежал на месте. Верёвка тянулась через порог.

Она выдохнула.

Потом верёвка ослабла.

Конец упал к её ногам. Он не был перерезан. Волокна заканчивались ровно и гладко, будто остальная часть никогда не существовала.

Лом за дверью исчез.

Клер метнулась назад.

Створка закрылась перед ней.

Она ударила ладонями в металл, попыталась поддеть край, нашла место, где должна быть щель. Поверхность была цельной. Три линии на этой стороне отсутствовали.

— Нет.

Клер ударила ломом — и только тогда поняла, что держит его в руке.

Она помнила, как оставила инструмент поперёк двери. Не брала обратно. Но пальцы сжимали холодный металл.

Телефон показывал 18:07.

Восемь минут с момента потери входа.

Сеть отсутствовала. Запись продолжалась, хотя изображение на экране распадалось на полосы. Индикатор местоположения стоял на прежней точке в Греймонте.

Клер заставила себя отойти от двери.

Красный свет впереди стал ярче.

Тоннель вывел её к арке.

За ней находился город.

Сначала Клер решила, что вышла на другую сторону склона. Узнала линию крыш, башню больницы Святой Ирмы, шпиль старой ратуши. Но расстояния были неверными. Больница стояла ближе и выше. У ратуши появилось ещё два яруса, похожих на сложенные рёбра. Между знакомыми зданиями поднимались чёрные башни, которых в Греймонте не существовало.

Над городом не было облаков.

Не было и неба в привычном смысле. Высоко тянулась тёмная поверхность, по которой медленно проходили багровые полосы света. Они отражались в окнах и мокром камне, хотя дождя здесь не было.

Улицы повторяли Греймонт, но словно были построены по чужой памяти. Там, где в человеческом городе находилась площадь, зияла глубокая воронка с мостами по краям. Трамвайные рельсы уходили вверх по стене дома. Статуи на крышах повернули лица к тоннелю.

Тени двигались отдельно от предметов.

Клер стояла на краю дороги, которая продолжалась между чёрных зданий. Свежие следы шин уходили вниз, к красным огням.

Телефон показывал 18:09.

Время шло правильно.

Она подняла камеру и начала снимать.

Экран покрылся помехами. На несколько секунд город выглядел обычным: пустая улица Греймонта, складские стены, знакомый силуэт больницы. Потом изображение дёрнулось, и на месте склада появилась башня с узкими проёмами.

Клер опустила телефон.

Башня осталась.

Из глубины улицы донёсся металлический звук.

Цепь протащили по камню.

Потом кто-то закричал.

Крик был человеческим.

Часть II. Порог

Слой под Греймонтом открывает рот.

Глава 7. Отражение

Клер выключила фонарь.

Темнота стала красной.

Свет исходил не от одного места. Он поднимался из трещин в мостовой, тлел за окнами, медленно двигался по поверхности неба. При выключенном фонаре город проступил яснее — чёрные стены, арки, мосты между крышами. Всё казалось достаточно знакомым, чтобы глаз продолжал искать Греймонт, и достаточно неправильным, чтобы каждый найденный ориентир усиливал страх.

Крик повторился.

Дальше и левее, за зданием, похожим на больницу Святой Ирмы.

Клер включила фонарь снова и закрыла линзу ладонью, оставив узкую полоску света. Она могла вернуться к двери. Попытаться открыть створку, искать другой проход, звать Оливера, хотя сети не было.

Но кричал человек.

Она пошла на звук.

Свежие следы шин уходили в ту же сторону. На чёрном камне они блестели, заполненные маслянистой влагой. Иногда рисунок колёс исчезал на несколько метров, а потом появлялся снова, словно автомобиль на короткое время переставал касаться дороги.

Клер держалась у стен.

Телефон показывал 18:12. Компас вращался, координаты оставались возле северного склона Греймонта. Сеть отсутствовала, но часы шли без сбоев. Каждая минута менялась вовремя.

Клер открыла сохранённую карту. Синяя точка находилась точно у входа в тоннель, хотя она прошла от него несколько сотен метров и вышла на улицу. Контуры ближайших зданий совпадали с тем, что было перед глазами, только на карте они назывались иначе: жилой дом, аптека, парковка. Здесь на их месте стояли фабрика, башня и глубокая каменная чаша, из которой поднимался дым.

Она сделала два снимка с одной позиции. Первый экран сохранил современный Греймонт — пустую парковку и стену больницы. Вторым состоял из помех. На третьем проступили оба города сразу: фонари человеческой улицы висели внутри чёрных арок, а разметка парковки уходила по стене башни.

Клер сохранила исходные файлы, не открывая повторно. Даже если изображение повреждалось, метаданные времени и координат могли уцелеть.

Это почему-то пугало сильнее всего.

Если бы техника отказала полностью, Клер могла бы списать происходящее на магнитную аномалию, отравление газом или повреждение телефона. Правильное время соединяло это место с человеческим городом и одновременно доказывало, что она не потеряла сознание на несколько часов.

Она продолжала запись.

— Восемнадцать часов двенадцать минут, — прошептала Клер. — За тоннелем находится неизвестный участок города. Архитектура частично совпадает с северным Греймонтом. Связь отсутствует. Время на устройстве не изменилось.

На экране вместо улицы двигались серые полосы. Звук сохранялся лучше изображения. Клер убрала телефон в нагрудный карман камерой наружу.

Справа должен был находиться современный жилой дом. Здесь на его месте стояла фабрика, разрушенная ещё до рождения Клер. Она узнала высокую трубу и круглые окна по архивным фотографиям. Здание выглядело целым, но внутри не работало ни одного механизма. Из

трубы поднимался тёмный дым, распластывался под низким небом и возвращался вниз длинными нитями.

На следующем перекрёстке сохранилось то, чего в Греймонте никогда не строили: узкая башня из наложенных друг на друга фасадов. Окна разных эпох смотрели в четыре стороны. За некоторыми горел свет. В одном Клер увидела женский силуэт.

Она моргнула.

В окне никого не было.

Зато тень женщины осталась на стене и медленно подняла руку.

Клер ускорила шаг.

Город не был пустым. Далеко впереди двигались фигуры. Они переходили улицы, исчезали в арках, поднимались по лестницам между зданиями. По очертаниям — люди. Ни одна не приближалась достаточно, чтобы разглядеть лицо.

Их тени шли впереди.

Иногда поворачивали раньше тел, которым принадлежали.

Клер остановилась за каменной колонной и выключила фонарь окончательно. Одна фигура пересекла дорогу в нескольких десятках метров. Высокий мужчина в длинном пальто. Он шёл медленно, почти бесшумно. Тень скользила по мостовой на пять шагов впереди и на каждом перекрёстке останавливалась, будто выбирала направление для хозяина.

Мужчина повернул голову.

Клер прижалась к стене.

Он не мог увидеть её в темноте. Между ними были колонны, дым и красный полумрак.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем тень мужчины вытянулась поперёк улицы и коснулась основания колонны.

По камню прошёл холод.

Клер отступила. Тень замерла, потом вернулась к хозяину. Мужчина продолжил путь, не оглянувшись.

Она дождалась, пока он исчезнет.

Стена за спиной была тёплой. Не нагретой воздухом — пульсирующей. Клер коснулась её через перчатку и сразу увидела комнату.

Не глазами.

На одно мгновение она оказалась внутри чужого воспоминания. Низкий потолок. Закрытая дверь. Ребёнок плачет в соседней комнате, а женщина прижимает ладони ко рту, чтобы не ответить. Страх был настолько сильным, что Клер потеряла равновесие.

Она отдёрнула руку.

Улица вернулась.

Сердце колотилось, в горле остался вкус чужой паники. Клер не знала эту женщину, не видела ребёнка раньше. Эмоция не принадлежала ей и всё же задержалась внутри, как запах дыма на одежде.

На поверхности стены проступил отпечаток ладони.

Не Клер. Слишком большой, с шестью длинными пальцами.

Она не стала снимать его вблизи.

Крик раздался в третий раз.

Теперь короче. Человек сорвал голос.

Клер пошла быстрее.

Больница Святой Ирмы в человеческом городе была светлым зданием с новыми стеклянными переходами. Её отражение здесь состояло из чёрных корпусов, соединённых закрытыми мостами. На месте приёмного отделения зияла арка. Из неё вела вниз дорога, по которой прошла машина.

У стены стояли ещё три автомобиля с эмблемой «Маяка».

Клер присела за каменным ограждением и включила камеру. Номера удалось снять только на одном. Два других казались размытыми даже без экрана: взгляд соскальзывал с букв, не удерживая последовательность.

Все машины были пустыми.

На заднем сиденье ближайшей лежало серое одеяло. Под ним темнели ремни с металлическими застёжками.

Клер обошла автомобиль сзади. На бампере было повреждение, совпадавшее с машиной М-14-72. Она нашла номер.

Тот самый.

Двери оказались заперты. Сквозь стекло Клер увидела на полу бумажный стакан и телефон с разбитым экраном. Возможно, Натана. Дотянуться не получалось.

Она осмотрела ручки и замки. Ни следов взлома, ни необычных механизмов. Обычная машина из Греймонта, прошедшая через невозможную дверь. Под левым колесом лежала пластиковая карточка фонда. На ней значилось имя координатора — женщина, которую Клер видела за стойкой «Маяка» во время первого посещения.

Карточка была тёплой.

Клер завернула её в пакет. На обратной стороне обнаружился тёмный знак из трёх линий. Его нанесли поверх магнитной полосы, уничтожив часть данных.

Возле второй машины темнели капли крови. Они начинались у задней двери и вели к арке. Клер взяла образец на ватную палочку. Кровь ещё не высохла полностью.

Человека провели здесь недавно.

Она сфотографировала салон и направилась к арке.

Спуск закручивался под зданием. Здесь впервые появились звуки, похожие на работу механизмов: тяжёлые удары, скрежет цепей, медленное шипение. Воздух пах железом, горелой тканью и чем-то сладким.

Стены были покрыты метками.

Три линии, сходящиеся в точке. Такой знак находился внутри перстня Натана и на двери тоннеля. Рядом встречались другие: круги с разрывами, вертикальные разрезы, символы, похожие на следы когтей. Некоторые светились изнутри.

Клер снимала всё.

Роль журналиста стала единственным способом не позволить страху заполнить пространство между мыслями. Не «что это за место», а: ширина коридора — около трёх метров. Дверей — семь. Свет — неизвестного происхождения. Температура ниже, чем снаружи. Следы транспорта заканчиваются у третьего входа.

Факт за фактом.

На первой двери не было ручки. Из-за неё доносилось тихое дыхание множества людей.

За второй кто-то повторял одно слово. Клер не разобрала язык, но интонация была просящей.

Третья стояла открытой.

Внутри находилась комната с деревянными креслами, похожими на медицинские. К каждому были прикреплены ремни и цепи. На полу шли желоба. Они выглядели как стоки, но поднимались по стене и исчезали в потолке.

Комната была пустой.

На одном ремне Клер заметила засохшую кровь. Рядом — аптечную упаковку из Греймонта. Срок годности истекал только через год.

Место существовало сейчас. Людей привозили сюда из её города.

Клер подошла к следующей двери.

Крик донёсся из-за неё.

Створка была закрыта, но между металлом и стеной оставалась узкая щель. Красный свет проходил наружу тонкой линией. Клер опустила на колено и заглянула.

Сначала она проверила край двери. Замка снаружи не было. Створка открывалась внутрь и удерживалась тяжёлой поперечной тягой с другой стороны. Лом мог создать зазор, но скрежет услышали бы во всём коридоре.

Клер осмотрела стену. Над дверью проходила узкая вентиляционная решётка. Слишком высоко для руки, достаточно широко для камеры. Она поставила рюкзак у стены, поднялась на него и попыталась просунуть телефон. Из соседнего коридора донеслись шаги.

Клер едва успела прыгнуть и спрятаться за выступом.

Мимо прошли двое в человеческих обликах — мужчина и подросток. Они не разговаривали. Подросток нёс металлический таз, мужчина — связку ремней. Их тени двигались по потолку, хотя свет находился ниже.

Когда они скрылись, Клер вернулась к щели. Времени искать другой вход не осталось: крик перешёл в прерывистое дыхание.

Помещение за дверью напоминало зал старого театра без зрителей. В центре стояла конструкция из чёрного металла: вертикальная рама, цепи и подвижные скобы. К ней был прикован мужчина.

Он был бос. Рубашку разрезали спереди. На груди и руках оставались следы ожогов, старые шрамы и свежие порезы. Лицо осунулось, губы потрескались. Но человек был жив. Грудь поднималась быстро, пальцы сжимали цепь.

Клер узнала его не сразу.

Фотография мужчины находилась в списке «Свидетеля». Один из тех, чьё имя она видела только в полицейской публикации. Сейчас память не отдала фамилию, но лицо совпадало.

Рядом стояла женщина в тёмной одежде.

Обычная на вид. Короткие волосы, спокойное лицо, тонкие перчатки. Она проверяла крепления на руках пленника с деловитостью медицинской сестры.

— Пожалуйста, — прохрипел мужчина. — Я уже всё рассказал.

Женщина ответила на незнакомом языке. Звуки были глухими, с резкими остановками, будто слова приходилось ломать во рту.

Мужчина заплакал.

Она сняла перчатку и коснулась его груди.

Клер вспомнила Леона. Селесту. Облегчение после прикосновения.

Пленник перестал плакать.

Его тело обмякло. Дыхание замедлилось. На лице появилось почти детское спокойствие.

Женщина удерживала ладонь на коже дольше Леона или Селесты. Сначала происходящее выглядело мягче пытки. Потом мужчина открыл глаза.

— Мама, — прошептал он.

Голос изменился. Стал выше, моложе.

— Я не хотел уходить. Там было темно.

Женщина наклонилась ближе.

Под её кожей что-то двигалось.

Клер достала телефон. Экран показывал серые помехи, но звук записывался. Она прижала устройство к щели и заставила руку не дрожать.

Пленник продолжал говорить.

Обрывки воспоминаний выходили из него без порядка. Первый школьный день. Запах хлеба в квартире бабушки. Женщина по имени Лисса, которой он не успел признаться. Страх воды. Вина перед братом. Он произносил каждую фразу так, будто переживал её в этот момент, и после слов его лицо становилось пустее.

— Прекратите, — сказал он своим взрослым голосом. — Это моё.

Женщина улыбнулась.

Её человеческое лицо разошлось по тонким линиям.

Не порвалось. Раскрылось.

Кожа разделилась на гибкие пластины и отступила к затылку. Нижняя челюсть сместилась в сторону, затем сложилась внутрь. Плечи поднялись, суставы рук вытянулись и повернулись обратной стороной. Из позвоночника последовательно вышли дополнительные сегменты, увеличивая тело почти вдвое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.